

С 385

НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЭПТОН СИНКЛЭР

Д Д

УСЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

39505

38
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЭПТОН СИНКЛЭР

UPTON SINCLAIR

АД

ПЕРЕВОД С. В. Ш.,
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ЛОЗИНСКОГО И
ЕВГ. ЗАМЯТИНА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — МСМХХІІІ — ПЕТРОГРАД

ПЕТРОГР. ОУД.
Гл. К-ры «Известий ВЦИК»
Тип. «КРАСНЫЙ АГИТАТОР»
ПТГ., 7-я РОТА, 26

АД

Hell

1922

Петрооблнт № 6440. Гиз № 5165

— Тираж 7150 экз.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена изображает тронную залу в аду, высокая сводчатая палата со столпами и стенами из золота, обнаруживающими трещины, откуда исходит пар и иногда красный блеск. Входы справа и слева, а также слева в центре. Большой золотой трон Сатаны стоит направо; здесь и там расставлены удобные золотые сиденья для меньших сановников. Сзади — кинематографический экран, на котором появляются в постоянной смене сцены из жизни земли, неба и преисподнего ада, в соответствии с тем, что сейчас занимает умственный взор Властителей Зла.

При открытии занавеса два меньших бесенка прибирают тронную залу. На экране — группа счастливых поселян, сенокос.

1-й Бесенок.

Ад, а не труд — трон чистить Сатане!

2-й Бесенок.

К чему ж ещё тебя приставить могут?

1-й Бесенок.

Три раза эта щель была в починке, —
Все дым и дым!

2-й Бесенок.

Пренеприятный труд!

1-й Бесенок.

Подумаешь невольно: погасить бы
Огни, да божьих грешников — на волю!

2-й Бесенок.

Тсс! Это бунт.

1-й Бесенок.

Так думаю, и только.

2-й Бесенок.

Чорт! Я не знаю, что случилось с адом.

1-й Бесенок.

Нет, я устал без роздыху работать.
Наш мажордом нас гонит, как жокей.
Его язык — рой шершней в уши наши.
Как свежий грешник, мрачен Сатана,
Он хмурится, о пораженьи мыслит.

2-й Бесенок.

Царь — егова! Тот волен на земле!
И род людской спасен; глас трубный в небе.
Вот сценку погляди, — как лук для глаз!

(На экране появляются дети, резвящиеся на лугу).

1-й Бесенок.

Ишь, дети! Жизнь — то им лафа. „Детишки“ —
Их там зовут в чувствительности сладкой.

2-й Бесенок.

Одно хотя бы горе за неделю!

1-й Бесенок

(зубоскаля).

А ну, лбом об стену, сажай-ка шишку!

2-й Бесенок.

Зачем?

1-й Бесенок.

Чтоб вызвать там землетрясение.

2-й Бесенок.

Сострив, как ты, в аду я был бы первым!

(Трубный гром).

Ага! Идут!

1-й Бесенок.

Ах, чтоб им пусто было!

(Они убирают свои ведра и пыльные тряпки и утекают направо: слева из глубины сцены выходит стража — полдюжины злых духов, черных, вооруженных вилами, с рогами и щетинистыми хвостами; они почтительно останавливаются; входит великолепная фигура в придворном костюме со шлейфом).

Злые духи.

Хвала, о Вельзевул!

Вельзевул

(подходит к одному из удобных сидений и опускается на него с видом бесконечной усталости).

Изнемогаю.

(Новый гром труб; входят злые духи, эскортируя красивого, молодого, светловолосого, женственно-похотливого главаря).

Злые духи.

Хвала, о Велиал!

(Велиал молча садится, зевая; на экране появляется семья из рабочего класса, сидящая за обильным обедом).

Вельзевул.

Мир процветает!

(Велиал зевает. Входит эскорт военного вида, за ним суровая, властная фигура, гремя вооружением, с огромным палахом).

Злые духи.

Хвала, Молох!

(Он садится и зевает; на экране — дети, выбегающие из школы).

Велиал.

Молох, смотри: вон дети, —

И ни один не кормлен для тебя!

(Лукаво хихикает).

Молох.

Но, Велиал, ты шуточек своих
В их нежный слух шептать не можешь тоже.

Вельзевул

(зевая невероятно).

Годами жду, — хочу услышать шутку,
Не надоевшую.

(Снова трубы; входит демон женского пола, сладострастного вида).

Злые духи.

Хвала, Астарта!

Царица ночи!

Вельзевул

(к Астарте).

Ждем мы новостей.

Мы ссоримся, как те, что, не имея
Другой еды, себе кусают пальцы.

Астарта

(зевая).

Нет больше новостей.

(Снова трубы; входит изнуренный демон — скряга).

Злые духи.

Маммон, добро

Пожаловать!

Вельзевул.

Ну, этот с новостями!
Он денег нахватал!

Маммон.

Кто там про деньги?
Моя вся касса ада. Что мне делать
С ней и с собой — не знаю. Спета песня!

(Он зеваает; наступает общее молчание; зеваает один, потом другой, потом все, на экране—веселая деревенская пляска; более громкий и долгий гром труб; все главари встают; входит многочисленная стража, потом торжественно — Сатана, князь тьмы; на полдороге он останавливается, глядит на своих сановников, переводит взгляд с одного на другого и делает жест свирепого нетерпения).

Сатана.

Довольно труб! Меня прославьте делом!
Здесь собрались вы, ада главари, —
Я ж хвастался, что ад — мозги вселенной!
Смотрите драму — в услаждение вам.

(На экране—влюбленная пара в лунном свете).

О молодость! — Лет десять тупоумья,
И пятьдесят — оглядок с вожделеньем, —
И это все прославлено искусством!

Маммон

(потягиваясь на своем ложе).

Довольно! Не болтай. Дай нам поспать.

Сатана.

Кто хочет сна, зачем боролся с небом?
Ваш храп не нарушали серафимы
Концертом симфоническим.

(Ходит по сцене).

Проснитесь,

Беззубые вы тигры, млекоеды!

(Показывая на экран).

Любовь! Любовь, как сахар! Приз, милорды,
Тому, чье остроумье угадает
Конец истории, — он вечно тот же.

(Влюбленные со страстным пылом сжимают друг друга).

Велиал.

Я думаю, что недалек конец.

(Злые духи смеются).

Сатана

(садится на свой трон и машет рукой).

Постройте ж климакс нежного рассказа!

(На экране — свадебное шествие; музыка, марш из Лоэн-
грина).

Блистательно! Успех для адских фильм!
Пусть вертят колесо. Да действий нам!

(На экране — детский дом; в нем десятка два младенцев, радостных и оживленных).

Вот выброшенные Природы лоном.

Слепая плодовитость, жизни бич!

О, водопад бессмыслия, о скука
Извечная...

Вельзевул.

Не промешать ли грешных?

Сатана.

Вновь кочерга? Наплюй же кошка ада

Тебе в лицо! За тысячу веков,
Как старый дуб, их кожа прослоилась.

Вельзевул.

А кислотой?

Сатана.

Всё, Вельзевул, старо!

Иль нового не обрету я крика?

Была б мила мне дрожь девичьей боли, —

Да мир спасен, вы знаете, — душ нет!

(На экране — малыши в купальных костюмах; они возятся на пляже).

Вертится лента. Выросли ребята;

На одного — десяток сопляков!

Слуга

(неся чашу).

Ваш мажордом прислал питье со льдом. —
Вам горло прохладить.

Сатана

(выбивая у него чашу из рук).

Я заморожу

Льдом вечным хвост тебе за болтовню!

Я, Люцифер, на небе бастовавший,

Укрыт в дыму, в однообразьи тусклом,

Мучитель душ ценой дешевле серы, —

И пятьдесят миллионов духов злых,

Чтоб вежливо моей зевоте вторить!

Ни искорки! Где мой шутник, мой Бич?

Мой Бич, сюда!

Слуга

(дрожа).

Его мы не видали

Все эти дни.

Сатана.

Огонь адский, разразись!

Бич-Злоязыч! Бич Злоязыч! Мой Бич!

Иль не могу я слуг своих дозваться?

Да будет проклят он сто тысяч раз!

Бич-Злоязыч

(за сценой слева, смеется).

Ха-ха-ха-ха!

Сатана

(оживляясь).

Мой Бич! Я слышу! Эй!

Бич

(выскакивает на сцену, сразу останавливается).

Кто чорта клял? Вот олух, в ад его!

(Живая фигура, костюм шутовской, красный с черным, кувыркаясь на руках, он приближается к трону, становится на голову, спиной к Сатане, и ударяет его по лицу хвостом. Потом вновь вскакивает на ноги и ликуяше протягивает руки).

Милорд, победа! Мир в твоих руках!

Сатана.

Ты что, дурак?

Б и ч.

Мир дураков — отныне
Лишь мир тебе подвластных дураков.
Гремите, трубы! Вылетайте, пробки!
На воле ад! Хлоп! Хлоп! Крамбамбули!

С а т а н а.

Ты шутишь? Иль дурак сошел с ума?

Б и ч

(щелкая пальцами, с прискоком).

Сошел, как буря, тигров зуб иль яд
Змеи, иль мула заднее копыто,
Иль молодость твоя, когда был бой —
Как бламанже, дрожали башни неба!
Эй, Вельзевул, включи-ка свет надежды,
И да взлетят ракеты ваших душ!
Молох, расправь же брови, научи
Улыбке непривычный рот, хоть раз!
Маммон, строитель золотых дворцов...

М а м м о н.

Должна же быть талантливою пьеса,
Чтоб эдакий оправдан был пролог.

Б и ч.

В твоих остротах ревматизм, о старец!
Благодаренье богу, возраст мой
Не превышает тысячи столетий.
Я вижу, нет в тебе дрожжей совсем, —
Картофельное месиво на праздник!

Но — будет. Я в своем уме. Подвиньтесь
И слушайте рассказ, — он без прикрас.

(Пока он повествует, на экране появляются рассказываемые события; Бич сопровождает действие соответствующими жестами).

Пошел бродить я нынче по земле
Хорошеньким молоденьким студентом.
Жил в удовольствие, — ленивый мозг
Все ж мастерская чорта! Так. Встречаю
Монахиню: скромна и очи в небо.
Какие применил я ухищренья,
Чтоб взор ее на землю обратить
И чтоб она рассталась с черным платьем,
В аду про это слушать вам не след.

(На экране — студент, пылко объясняющийся в любви монахине; смех злых духов).

Довольно с вас, что видите меня
Одетым, как монашка, у потока:
Слежу игру светящихся жучков!
Другой забавы не имея, начал
Я их ловить и рвать им огонечки, —
Как вдруг мой ум луч яркий озарил!
Иголку с ниткой я нашел в кармане,
И, нанизав светящихся жучков
На нитку, я на капюшон свой четки
Фосфоресцирующие пришил.
И — в монастырь. О знаменье! О чудо!
Сияние вокруг головы моей!
Поражены черницы. Им толкую
О лицезреньи девы, о блаженстве!
И вдруг без чувств упал, в недуге смертном.
Тут поп бежит, несет святое масло!

И вот, в постели молодой черницы
Соборован ваш Бич, умерший чорт!

(Смех злых духов).

И вот уж я — в процессии покорной
Душ избранных на ступенях златых.
Входи! Входи! В жемчужные врата!
Не вопрошен и не записан в книгу,
Златой я тронул пол, студя охотно
Пяты, огнем спаленные, в каналах,
Где мед и млеко из сифонов райских.
Вы слушаете, лорды?

Сатана

(нетерпеливо вытянулся вперед).

Ты все это

Придумал, чтоб поднять нам настроенье?

Бич.

Терпенье, вождь! Я с неба без трофея
Не возвращаюсь! Я не мог остаться:
Поблек бы мой венец, и увидали б,
Что молоко от ног моих свернулось,
И скисся мед, — бродильня в небесах!
Я побежал к вратам, где Петр сидит,
И к старикану приступил коварно.
„О ты, святой, я робкая черница,
Пред небом трепещу, — как речь вести мне
С тем, про кого я слышала так много?“
— „Действительно? Ах, милая! То правда?
Толкует обо мне земля?“ — „О, больше,
Чем о самом великом белом троне,
Достопочтенный страж ключа золотого,
Что ограждает вход от скверных душ!

О, господин святой, ты разрешил бы
Тот видеть ключ душе, прибывшей внове?“
— „Коль с благочестьем, да“. — Он ключ
достал, —

А я-то трепещу. — „О, час чудесный!..

И верно ли, что ключ такой один?“

— „Один, — он мне в ответ, — во всей
вселенной,

И форму уничтожили, и мне

Он был поручен с правом приговоров“. —

„О сверх-святой, услышь мою мольбу:

От чирьев мы в монастыре страдаем —

Плод воздержанья и однообразья —

И дали мне совет тогда, чтоб палец

Облобызала я ноги Петровой, —

Я в Рим пришла свершить святое дело,

Но вдруг там умерла скоропостижно

И чирьи все на небо принесла.

Позволь же мне благочестиво, с верой

Взять в руки драгоценный сей предмет

На миг один, — я исцелюсь и буду

Тебя хвалить не в вечности, а дольше!“

А он в ответ: — „Угодна небу вера.

Вот ключ тебе!“ — И подал в руки мне.

А я: „Смотри! — кричу ему в испуге. —

Святой в меду завяз!“ Он повернулся,

А я скользнул в жемчужные врата,

Захлопнул за собой, ключ вставил в дырку

И повернул.

Главари

(вскакивают на ноги, крича).

Что? Как? Ну-ну? Что ж дальше?

Кончай рассказ!

Бич.

Ключ неба ныне — наш!

Главари.

Невероятно! Шутишь! Быть не может!

Бич

(ликуя).

Ключ! Ключ! И ныне весь небесный сонм,
Пророки, мученики и святые,
Все херувимы, серафимы, даже
Святейшие, и те у нас в плену!
Все заперты, — и снова ад царит!

Сатана

(в диком возбуждении).

Коль это ложь, тебя, дурак набитый,
Я в известь загоню на бездну лет!

Бич.

На пятьдесят миллионов лет, коль хочешь.
Греми, оркестр наш адский! Танец ведьм
Начнется ночью — до изнеможенья!
Вставайте же, князья и силы ада!
Владыки разрушения и злобы,
Пред вами символ власти возвращенной,
Ключ неба золотой!

(Он поднимает ключ; трубные звуки и дикие крики всего собрания).

Вельзевул

(показывая на экран).

Сюда глядите!

Украли у избранников награду!

(На экране — запертые врата неба; обширный сонм душ снаружи, вопиющий безответно; злые духи рукоплещут).

Велиал.

Весть быстро разнеслась. Страх обнял землю.
В смятении все, не зная почему!

(На экране — дети, играющие на пляже; внезапно — темнота и буря; выскакивают матери и уводят детей).

Молох.

Гиганты цепь порвали и буянят,
Не сдержанные ангельскою стражей.

(Мелькает вид бурного моря, дико мчатся тучи).

Астарта.

Быстрее, скрипки! Хохот буйный!

(Искаженные страхом лица женщин; фигуры, мечущиеся туда и сюда).

Маммон.

Дети

Земли открыли, что молитвы их
Никто не слушает, — конец надеждам!

(На экране мать, стоящая на коленях у постели умирающего ребенка, она отчаянно простирает вверх руки).

Бич

(скача).

Не лечат их пилюли искупленья,
И под святой водой смердят грехи!

(Собор, огромная толпа народа, неистово взывающего).

Как мяч — назад им в уши крик летит.

Сатана.

Отличный спорт! Пусти-ка адофон,
Послушаем их крики!

Слуга.

Есть, милорд.

(Злые духи замолкают; сильный вопль страдания и ужаса слышен сверху из-за сцены).

Астарта.

Визг женский!

Вельзевул.

Вслушайтесь в глубины ада!

Бич.

Достигла весть привратников подземных!

(Ропот удовольствия из-под низу; злые духи разражаются весельем).

Сатана.

А! Жарко! Поверни-ка адофон!
Земля пусть нас услышит!

Слуга.

Есть, милорд.

(Злые духи издеваются над земными страдальцами, после чего видно, как молящиеся в соборе смотрят вверх полными ужаса глазами; потом падают ниц; священник роняет святыне дары и лишается чувств у алтарной решетки. Взрывы радости в аду; на экране — люди, бросающиеся на утесы или из высоких окон. Всеобщее безумие отчаяния).

Сатана

(хлопая себя по ляжкам).

Вот это жизнь!

Бич.

Начало лишь, милорд!

Смотрите в небо! Арфы онемели!

(На экране — ошеломленный небесный хор, внезапно замолкший и полный страха; насмешки злых духов).

Смотрите, Петр — без молодой черницы!

(Виден св. Петр, яростно рвущий на себе бороду).

И в гробе отрастают бакенбарды!

Рви, старикан, уж целый сноп ты вырвал,
Отращивать его ты можешь вечность!

(Хохот злых духов).

Сатана.

Погромче смейтесь; вашу радость слышат
Нет ничего милей чужих страданий.

(Видны ангелы, затыкающие уши; избранные падают на небесных путях).

Бич.

Как падают! Как бьются в клейкой влаге!
Работа будет для небесных прачек!

Вельзевул.

Нет одного. Что об триумфе нашем
Мнят Мощные?

Сатана.

Пустите белый трон!

(Молчание невольного трепета; экран черен; постепенно распространяется свет, и мы видим отца сидящим на троне; в сиянии славы склонился, опустив голову на руки; хриплый шопот злых духов, которые все же невольно боятся).

Стал тусклым свет его! Приходит старость.
Он болен от трудов!

Бич.

Нет! Ай да я!

(Перевертывается на руках).

Вельзевул.

А что же троица?

Сатана.

Смотрите: сын.

(Фигура на троне меняется; сын сидит, сжимая ручки трона, смотря перед собой взором, полным скорбного недоумения; злые духи глумятся; видно как он содрогается).

О, первый в милосерды! Вновь на землю
Спеши для смерти!

Вельзевул.

Агнец на закланье!

Бич.

Я сведенья имею, что не модной
На время стала теопофагия.

Сатана.

Не полно все ж. Хотим святого духа!

(Трон пуст, свет тускнеет).

Злые духи.

Ушел!

Сатана.

Погиб!

Вельзевул.

Не то он, что он есть.

Бич.

Тю-тю,— и все тут!

Злые духи.

Ад! Ура! Ура!

Сатана.

Князья, владыки, я прошу вниманья.
Все совершившееся за пределы
Понятного выходит. В нашей власти
Вселенная! Ничто уж человека
От наших сил и козней не хранит.
Что ж делать нам?

Молох

(величественно встает и ударяет палахом поперек своего ложа).

Я на пути — к земле!

Сатана.

Постой, Молох! Твой план...

Молох.

Я вижу: блещет

Вновь идол мой, зверь с пламенем во брюхе.

(На экране — большой бронзовый идол и жрецы, кидающие в него живых детей).

Моим ушам крик материнский сладок,
И сладко мне новорожденных мясо.

Велиал

(вставая).

Вновь девушки в моем трепещут храме
Фаллическим восторгом!

(На экране — древний языческий храм, густо затененные портики, отдаленные сверкания алтарных огней, фигуры молодых девушек, мерно двигающихся под музыку).

В путь, Астарта!

Астарта.

Вновь оргии мои колеблют храм!

(На экране — жрецы и поклоняющиеся, пляшущие в пьяном иступлении).

Идем, Маммон, восставь тельца златого!

Маммон

(встает).

Иду.

Сатана.

Вожди, стойте! Час подумать
Теперь — нам позже впрок пойдет. Садитесь!
Я знаю чары ваших древних культов,
Глубоко скрытые в людской душе.
Но обратите мысль на весь прогресс
Веков последних: золотые залы,
Ряд вентиляций, санитарий, все
Удобства современного комфорта.
Наука создала приспособленья,
Чтоб вырвать это золото из скал.

(На экране — адские машины).

Мощь взрывчатых веществ, огни, что плавят
И очищают; краны-великаны,
Подъемники, тележки-грузовозы.
Напомню: психология, искусство —
Сильней, чем хитрость прежних ведьм.
Политике вы нашей дань отдайте:
Подумайте, не выигрыш ли это, —
Что осужденных душ безмерный сонм
Наш вечный пламень сносит терпеливо,
И меж чертей, блюдущих наш порядок, —

Вернейших граждан ада, — нет бунтов!?

(На экране — злые духи, идущие к избирательным урнам и голосующие).

Все это — наше торжество; кто скажет,
Что опытные наши мастера

Не выдумают людям новых пыток,
Холодных, тонких способов мученья —
Для новых наслаждений, что затмят
Былые наши оргии и бойни!?

Вельзевул.

Ко власти возвращенный Люцифер,
Хвала тебе!

Злые духи.

Хвала, о князь мятежных!

Бич

(наслаждаясь).

Грядущее провижу! Ноги грешных
Жжет факел электрический, и сталь
Сверлит им зубы у дантистов ада.

На экране — соответствующая картина).

Сатана

(сердито).

Молчи, дурак, на важном мы совете.

Бич.

Эге! Мое пожали остроумье,
Меня ж, солому, выбросите вон!
О, силы гордые, рассудки с весом,
А вдруг я улизна, оставив вас
Без талисмана, без ключа златого?!

(Крики пораженного собрания).

Сатана

(вскакивая на ноги).

Червяк! Отдай его!

Бич.

Была бы шутка,—
Вернуть его бородачу святому!

(На экране — Петр, бросающийся, чтобы получить ключ;
Бич радостно показывает на картину, потом передает ключ
Сатане).

Сатана.

Благослови покоем на минуту.

Бич

(простирает руки в молчаливом благословении; потом, когда
Сатана делает движение, чтобы ударить его, он взбирается
на перекладину одного из золотых столпов).

Здесь буду зова ждать, и рад весьма
Взглянуть, какая будет кутерьма,—
Раз ад, земля и небо — без ума!

Сатана.

Маммон, к тебе я речь веду: ты первый
Коммерции потоп создать придумал.
Твоей он силой все сломил преграды.
Скажи нам имена твоих министров,
Практичных, ловких демонов-дельцов.

(На экране — группа весьма деятельных демонов, работающих
над таблицами).

Маммон.

Я радуюсь. Давно я наблюдаю
Везде в аду отсутствие системы.
Традиции и формализм гнетут
Ум дьяволов. Таблицы показали б,
Как на калорию и единицу
Энергии бесовской во сто раз
Продукция мучений возросла бы.
Коль вспомните, я предлагал давно
В аренду взять огонь ваш по контракту
И вам платить до десяти процентов
С той прибыли, что даст моя система.
Вы ж, гордецы, достоинство блюдете!
Ад превратить в отдел торговых складов?
Лишится права старого — вести
По артистически свой труд бесовский?

Сатана.

Достаточно, ворчун! Мы победили
Мечом: есть основание нам бояться
Вас, хитрецов, директоров конторских.
Но дело в том, что новое господство
Нам открывается, — *tabula rasa*.
Внесите предложение.

Маммон.

Не замедлю!

Экран показывает деятельных демонов за усиленной работой в конторе, полной таблиц и конторских шкапов).

Позвольте мне руководить землей.
Приставлю к делу первых я экспертов.
Я вам блаженства дам, каких не знали
И в диком исступлении адских снов,

А прибыли — до десяти процентов,
Наличными, четыре раза в год;
Из олова гнать золото и грешных
До зорь последних жечь — теперь довольно!

Сатана.

Что скажете?

Вельзевул.

Ход мысли мне приемлем.

Молох.

А дети как?

Маммон.

Как плевал, будут сохнуть.
Услышишь столько стонов материнских,
Что лопнет перепонка!

Велиал.

Девы — будут?

Маммон.

Тебе — невест и вдов...

Велиал.

Каких — таких?

Маммон.

Солдатских!

Велиал.

Соблазнительно звучит,
Признаться.

Астарта.

Ну, а мне корысть какая?

Маммон.

Ты будешь всех бутончиков царицей.

Астарта

(в изумлении).

Бутончиков?

(На экране — девушка-подросток, семяющая по улице).

Бич

(забрасывая ноги).

Словарь тащите адский!

Бутон... Цветы... Какие ж в ней цветы?

Маммон.

В ней юность расцветает — наглость тоже!

Вельзевул.

Маммон, где ты в своем мозгу нашел
Все эти фантастические бредни?

Маммон.

Предвижу, как и всякий коммерсант.

(На экране — Маммон за бюро, с секретарями).

Давно я знаю: должен капитал,
В ход пущенный, вселенной править. Все
Я изучил уже товары, цены,
Сердца людей, их ненависти, страхи,

Их веру, моды, мелкие пристрастья, —
Теперь нажать еще одну лишь кнопку,
Произнести: „К Земле“, — и все готово!

Сатана

(вставая).

Маммон, тебе при новом деле титул
Дать надлежит: Начальник Индустрии!
Теперь скажи слова.

Маммон.

Не так поспешно!

Исполнить надо все-таки формальность,
Контракт, и все установить условия.

(На экране — чорт, пишущий на машинке).

Сатана

(смеясь).

А не довольно слова джентльмэна?

Маммон.

Хоть джентльмэнов тут в аду немало,
Но дело делом. Я предпочитаю
Все на бумаге: с подписью, с печатью.
Сейчас вернусь.

(Он медленно выходит из залы, сопровождаемый своей
гвардией).

Бич

(поднимая руку, со своей перекладины).

Позвольте мне сказать!

Сатана.

Ну что, дурак?

Бич.

Да глупость, может быть.

Случилось что-то там у врат небесных.

(Все оборачиваются к экрану; на нем — души, все еще во-
пиющие у врат; три белокрылых ангела находятся между
ними, и души теснятся к ним, как будто слушая речь).

Сатана.

Что это? Ангелы прокрались с неба?

Вельзевул.

Поддельный ключ?

Молох.

Или замок сломали?

Бич

спрыгивая со свой перекладины).

Могу сказать?

Сатана.

Живее! Кто они?

Бич.

Хранители, сшедшие на землю

На помощь людям. Так когда я запер,
Их там и не было.

Сатана.

Весьма понятно.

Бич.

Я знаю их, милорд.

Сатана.

Их имена!

Бич.

Один зовется Ангелом Любви.

Вельзевул.

Болван!

Велиал.

Так от него на фильмах сало!

Астарта.

Они его зовут „влечением сердца“.

Сатана.

Не страшен он. Тот?

Бич.

Ангел Правосудья.

Вельзевул.

Фанатик, полный вздора!

Сатана.

Он один

Далеко не уедет. Третий кто?

Бич.

Единственный из сонма их, с кем можно
Хоть как-нибудь компанию вести.
То Ангел Юмора.

Вельзевул.

Ох, неприятность
Нам будет всем от этих лучезарных!

Сатана.

Посторожим.

Бич

(шелкает пальцами).

Что делают-то, а?

(На экране — три ангела, отошедшие в сторону; ножами обрезают друг другу крылья и прячут оставшиеся обрубки под одеяния).

Стригут друг дружке крылья. Возвратиться
Хотят, переодетыми на Землю,
Чтоб заговор свой хитрый там вести
Тайком от нас.

Сатана.

Бич, вот тебе задача!

Бич.

Берусь.

Сатана.

За ними — ни на шаг от них!

Бич.

На пятки сяду к ним.

Сатана.

Не потеряй!

Бич.

Нет, легче потерять им тень свою.
Иду!

(Прыгает в воздух, расправляет свои крылья летучей мыши и, паря, исчезает из глаз).

Сатана.

Ну вот. Передохнем немного.

(На экране — три ангела, спускающиеся по золотым ступеням; маленькая смиренная монахиня следует за ними).

Вельзевул.

Ах, ловкий плут! Смотрите на монашку!

Сатана.

Мой стоит Бич всех ангелов, что крылья
Когда-либо растили.

Вельзевул.

И срезали.

(Смех демонов; на экране — Маммон в своей конторе; он кладет документ в карман и отправляется).

Сатана.

А что же наш Начальник Индустррии?

Вельзевул.

Идет, как будто.

(Слышатся трубы; Маммон входит с видом очень занятого человека, он вынимает из кармана документ).

Маммон.

Джентльмэны, вот:

И коротко, и ясно. Прочитайте.

(Прислужник передает всем копии; на экране появляются писцы, сидящие в ряд, за упорной работой).

Сатана

(изучая бумагу).

Контроль полнейший над землей. Харону
Всех грешных передать — „большая скорость“.
Открыть счета, четыре раза в год
По десяти процентов... Как, вожди?

Вельзевул.

Коль хочет всех нас обмануть Маммон, —
А хочет он наверно, — так обманет.

Маммон.

Бич-Злоязыч здесь копию оставил.

Сатана.

Что скажешь, Велиал?

Велиал.

Мне девок дайте, —
И пусть Маммон ведет дела казны!

Сатана

(к Астарте).

А ты как?

Астарта.

Дело женское — хозяйство.

Сатана.

Молох?

Молох.

Молоху что? Топи пожарче,
Кидай детей — и будет он доволен.

Сатана.

Идет, товарищи - капиталисты!

(Он подписывает свое имя).

Подписываюсь. Сделайте вы то же, —
Используем Земное Отделение.

Вельзевул

(подписываясь).

Коль выйдет все, и будет дивиденд,
Поднимемся мы в ранге социальном.

Велиал.

Ад превратится в загородный клуб,
Где будет чай, и гольф, и зал читальный.
(Прислужник собирает подписанные копии и передает их Маммону).

Маммон.

Так, дело сделано; — и за работу!
С сего числа владеет ад землей.

Сатана.

Час исторический, навеки славы!
Привстанем с мест, сердца единодушно
Соединим и гимн свой пропоем.

Главари

(встают и громко кричат).

Слава! Слава! Шайка в сборе!

Чорта с два! Чего нам боле?

Чорта с два! Чего нам боле?

Слава! Слава! Шайка в сборе!

Чорта с два! Чего же боле нам теперь?

Сатана

(его манеры меняются; он снимает свой парик, обтирает лоб и говорит обыкновенным голосом).

Ну вот и довольно для первого акта. По крайней мере, одной неприятностью меньше.

Вельзевул.

Н-да. (Сморкается). Что вы об этом думаете?

Сатана.

По моему — дерьмо. Просто — противно.

(Демоны перестают играть роль и превращаются в артистов, болтающих о произведении. Один снимает свой хвост, другой — платье, оставаясь в одном жилете: они стоят группами, рассуждая).

Велиал.

Я сказал бы, что парень не знал, как ему закончить, и бросил на середине. (К Молоху). Как ты думаешь?

Молох.

О, я ничего не понимаю в этих высоких материях. Мне кажется, этот негодяй хотел испытать, сколько раз сможет он вклеить сюда слово „ад“. Какое-то богохульство.

Астарта.

Не очень тонко, во всяком случае.

Сатана.

Ну, как бы там ни было, я очень рад хоть несколько минут поговорить на настоящем языке. Я совсем изнемог от этих белых стихов.

Молох.

Да, чорт возьми!

Вельзевул

(насмешливо декламирует).

Ослу — шникпер — вуйче — ловек — иплот

Тотза — прещен — ныйчей — смертель — ный
вкус...

Там-там, там-там, там-там, там-там, там-там...

Велиал.

Нетруд — нопро — должать — наэ — тотлад —

Весьдень — когда — друго — годе — ланет!

Сатана.

Ну, если этой пьесе удастся дойти до Бродуэя, то я, стало-быть, ни черта не понимаю.

Вельзевул.

А я скажу — она пойдет по всему свету.

Велиал.

Об этом ты никак не можешь судить. Если бы кто-нибудь мог догадаться, какая пьеса пойдет в ход, он бы туго понабил свои карманы. Что скажешь, а?

Молох.

Да скажу: к чорту все это!

(Откусывает кусок жевательного табаку).

Астарта.

Кстати, я хотела бы, чтобы мне дали там хоть несколько строк. Что это! Одни мерзкие шутки в течение целого акта!

Сатана.

Я бы сказал, что все вообще шутки — премерзкие.

Астарта.

Скажите мне хотя бы: на что похожа женщина-дьявол? Должна ли она одеваться, как принцесса, и иметь манеры лэди? Я бы думала, что женщина-дьявол должна быть одной из основательниц ада.

Сатана.

Ну, вам еще до этого далеко.

Молох.

Мне чудится, что вся эта пьеса — какая-то пассивистская штука...

Вельзевул.

Да, несомненно, вещь радикальная. Стремится показать, что все капиталисты — дьяволы.

Астарта.

Да, как же, была бы у нас работа, если бы капиталисты не выкидывали на это денег! Кто станет платить за такое зрелище, коли не капиталист?

Вельзевул.

Я надеюсь, что он достаточно вложил, чтобы пьеса удержалась, вот и все.

Молох.

Так-то это так, но негодяй в роде Рокфеллера не должен был бы все-таки иметь столько денег.

Велиал.

Может быть, и нет. Если бы он был похож на Генри Форда...

Бич.

Тсс... Тсс...

(Он спускается с потолка, держась за проволоку; останавливается в нескольких футах от земли, дрыгая ногами).

Эй! Проснитесь, проснитесь вы, дайте мне спуститься!

Механик

(кричит сверху).

Придержи своих лошадей! Вожжи перепутались!

Бич.

Э, да ну вас с вашими паршивыми веревками! Что же вы думаете, я буду...

Механик.

Да чорт с вами! Коль не желаете, прыгайте так...

Бич.

Ладно. (Легко прыгивает на землю). Силы небесные! Уж и жарница же там под колосниками! И никакой возможности сойти! Ну, как приняла публика?

Сатана.

Довольно холодно, как-будто.

Бич.

А все-таки неглупая вещь.

Астарта.

Ха! Понятно, что тебе нравится, у тебя добрая половина текста!

Бич.

Да, могу сказать. А хотел бы я, чтоб тебя заставили проделывать мои сальтомортале. Я уж давно отвык от этих штук. Уж лет десять, как я перестал прыгать.

Молох.

Ведь ты, кажется, был гимнастом, так ведь?

Бич.

Был, все перепробовал. Мне раз пришлось играть чорта в „Искушении Сердца или Жена-Вдова“. Один вечер стоит целого года. Я помню, тогда один старый фермер подошел ко мне и говорит...

Механик

(входит здоровенный ирландец, в одном жилете).

Скажите, кто из вас был тут занят в „аду“?

Сатана.

Да все мы. А что?

Механик.

Я вам должен кое-что сказать. Надо бы вам устроить специальные приспособления, коли вы хотите, чтобы я каждый вечер поднимал этого молодца к потолку. Или уж выбрали бы такого, чтоб весом был не больше двухсот фунтов.

(Все смеются).

Сатана.

Погодите, вот еще поскачет этак, так станет полегче.

Механик

(глядя в сторону публики).

Э! Публика-то там и не знает, что акт кончился. (Обращается к актерам). Идите отсюда, товарищи, и покурите. Эти боровы всегда тут околачиваются! (Замечает экран, на котором все еще появляются отдельные сцены в конторе Маммона и на земле). Эй, вот и еще один малый позабыл, что акт кончился. (Кричит). Эй, вы там, наверху, оператор, не кажется ли вам, что пора бы перестать? (Фильма продолжает двигаться, актеры смеются).

Механик.

Эй! Он никогда не успокоится, пока вы тут будете торчать!

Сатана.

А что же вы не спускаете занавес?

Механик.

Ах, чорт, позабыл!

(Выбегает).

Бич.

Асбестовый занавес для ада!

Механик

(за сценой).

Истинный ад!

(Занавес начинает опускаться).

Бич

(к публике).

Ну — можете идти курить. Мы выйдем вновь через несколько минут, и опять такими же дьяволами.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тронная зала в аду, как в действии первом. При поднятии занавеса на сцене — банкет; главари пируют, пьют и мечут кости. На экране — контора Маммона, с обширным штатом активных демонов, прилежно работающих.

Злые духи.

Ура! Удар хорош! Еще! Еще!

Велиал.

Молох, еще удар?

Молох.

Твоя добыча!

Велиал.

Я ставлю двадцать тысяч дев отборных.
Ты ставь детей в двойном числе.

Молох.

Идет.

Велиал.

Вы слышали условия?

Злые духи.

Да.

Велиал.

Тряси!

(Они бросают кости несколько раз; вся компания возбуждена; все выкрикивают нумера).

Молох.

Пять дважды! Трижды пять! Моих пятнадцать!..

Велиал.

Шесть! Трижды шесть! Я взял! Мои — младенцы!

Вельзевул.

Ты кучу выиграл, — куда их денешь?

Велиал.

Я новый культ создам, — быть может, праздник...

И их пожру. Маммон, ты мне позволишь?

Маммон.

Сдержи свой юный пыл, — ты хочешь сразу
Уж и развязку!

Астарта.

Ну, еще пари!

Что будет: матери съедят детей —
Иль vice versa?

Вельзевул.

Дети — матерей?

Сатана.

Маммон, мне кажется, ты слишком тянешь;
Ты обещал развлечь нас в эту ночь, —
Тебе ведь кнопку лишь нажать.

Маммон.

Готово.

Поднялся занавес; прошу вниманья, —
Товарищи капиталисты.

Злые духи.

О!

(Они ударяют по столу и аплодируют, следя за экраном, на котором показываются два молодых и интеллигентных деловых дьявола в вечерних костюмах, кланяющиеся).

Маммон.

Агенты наши, господа событий,
Продукт машины ада, высоко
Квалифицированные в хищении,
Пройдоха и Пролаза, на часы
Не смотрят никогда, но чуют носом,
Где прибыль или продвижение.

(Видно, как Пройдоху вводят на обед с танцами).

Вот;

Хирурги ада сняли им хвосты,
Они возвращаются в изящном свете.

(Видно, как Пролаза закуривает сигару с парюю крупных капиталистов).

Один у вертикалов в государстве,
Другой же в царстве у горизонталов.

Сатана.

Горизонталы, вертикалы, как?
Ты шутишь, о Начальник производств?

Маммон.

Два государства с трехполосным флагом.
У одного идут горизонтально
Полоски, у другого — вертикально.
Отсюда — распря; в мыслях вертикалов
Нет ничего позорнее, чем флаг
С полосками, протянутыми вдоль,
А жители страны горизонталов
Вскипают жаждой крови, лишь завидят,
Что три полоски нагло лезут вверх.

(Злые духи смеются).

Сатана.

Прелестная черта!

Вельзевул.

Какая тонкость!

Маммон.

Так слушайте: недавно мы, копая
В аду, нашли источник нефти; тотчас
Открыли скважину, забил фонтан,
И озеро богатое явилось,
Затеряно в тропическом лесу.

(На экране — соответствующая картина).

Оно могло бы стать благодеяньем,
Возникли б города, и пароходы
Рассекли б гневный океан, машины
Перелетели б девственные горы,

Но с нашей хитростью — проклятьем стало,
Превосходящим все мечтания бесов,
Затем, что психологию отныне
Я применяю к добыванию денег.
Теперь мы видим тамошних туземцев
И краткие, простые наслажденья,
Что им дарит неверная природа.

(На экране — пляшущие туземцы).

Но вот туда искатели приходят —
Находят нефть и в жадности безумной
Кидаются на нехранимый клад.

(На экране — ряд происшествий, согласно описанию).

Сошлись две партии: из вертикалов,
И из горизонталов, им враждебных.
Смотрите, как их треплются знамена,
И на одних полоски — вдоль земли,
А на других они стремятся кверху.
Вот со враждою смотрят друг на друга,
Курьеры мчатся, проволока слово
Стремительно доносит к двум столицам.
Пройдоха, нефтяной король, в собранный
Директоров читает новость. Тотчас
Могучие решают миллионеры
Послать суда, построить путь, колодцев
Навыкопать и в ближний порт гнать нефть.
И в тот же день горизонтал-Пролаза,
Организует синдикат другой
И для того же дела, — с той же нефтью!

Сатана.

Маммон, признаться надо: гениально!

Маммон.

Нет, нет, милорды! Только здравый смысл...

Вельзевул.

Ты подлил нефти им в огонь стяжания!

(Смеются).

Маммон.

Вот пограничный пост с его охраной.
Здесь для туземцев — виски; деньги черным
Вождам Пройдоха платит, чтобы взять
Концессию на нефть для вертикалов;
О том же праве торг ведут агенты
Пролазы для страны горизонталов.
И видите: туземцы уж не пляшут;
За изгородью хлебные деревья;
Туземцам есть работа; есть и способ
Бороться с их беспечностью природной.

(На экране — туземец, привязанный к дереву: его бичует
белый человек).

Работа все растет, и вот войска
Уходят в джунгли, и в цепях приводят
Невольников — носить для белых ношу.
Ты, Велиал, любитель голых женщин:
Идут они — насытить похоть белых.
Молох, детей хотел ты: вон бросают
Их в хижины горящие, — симптом
Тропической военной лихорадки.
Но нынче ждем мы радостей повыше:
Вот две столицы, мировые центры
Изящества и наслаждения, место
Встреч деятелей новых царств моих.
Два чорта есть, в политике умелых,
Два лучших дипломата: „Враль“ и „Вьюн“.
От вертикалов этот, где Пройдоха, —
Тот от горизонталов, где Пролаза.

И вот на конференции они,
И громогласно изрыгают злобу,
Чье имя „ультиматум“. Вот и толпы
Уже вопят: Война! Война! Война!

(На экране — полные народом улицы и мальчики-газетчики,
выкрикивающие экстренные известия).

Сатана.

Но ты спешишь гигантскими шагами!

Маммон.

Всё новой психологии система...
Одной затеей я весьма горжусь, —
„Готовность“ имя ей. Мы песнь сложили:
Ее поет вся сволочь на земле.
Готовность — безопасность; это значит,
Что каждый радостно уверен в том,
Что может первый придушить соседа.

(Злые духи смеются).

Сатана.

Маммон взлетел на крыльях остроумья!

Маммон.

Льстить погоди: у нас тут дело есть:
Отчислить с ненависти дивиденды.
Мои же инженеры научили
Людей машинной бойне; я умею
Готовить все военные машины.

(На экране показывается отливание пушки).

Друг другу люди роют яму в поте
Лица, — и платят мне же.

(Злые духи смеются с возрастающим весельем).

Сатана.

Этот способ

Так удивителен, что трудно верить.

Молох.

Ну, продолжай! Горю от нетерпенья.

Маммон.

Еще деталь; острее будет радость,
Коль технику постигнуть до конца.
Вот парень, из крестьян, рожден для плуга.

(На экране — изображения, соответствующие описанию).

Не жжет он керосина, не владеет
Цистернами и тропиков не видел.
Его-то должен убедить Пройдоха
Погибнуть за его, Пройдохи, нефть.
Тут магия Готовности к услугам!
И паренек наш салютует флагу,
Святой восторг в пылающих глазах!
Полоски же, заметьте, — вертикальны!
А тут другой такой же парень, с первым
Столь схожий, что не различишь; он тоже,
Придя с полей, напяливает форму
И ревностно приветствует свой флаг, —
А полосы уже горизонтальны!
Сражаться будет он за нефть Пролазы!
А вот идут полки в парадной форме,
Со славой; меди звон; бой барабанный.
Вот офицеры, их хребты не гнутся, —
Воспитаны в надменности; войска
Честь отдают с покорным послушаньем.
Живут в труде; напряжены их мышцы,
И души бодрствуют; себя считают

Венцом творенья, первыми в убийстве!
Тут кульминирует искусство наше,
И это наш шедевр: милитаризм.

Сатана.

Ты приз берешь! Запомним это. Будут
В аду одни лишь империалисты.

Молох

(сильно ударяя по столу).

По мне тут слишком много разговора.
Я дел хочу!

Вельзевул.

Конь старый боевой!
Зудит в ноздрах, — учуял запах крови!

Маммон.

Смотрите: два солдата пограничных
Поссорились за девушку-туземку.

(На экране — соответствующее происшествие).

Один другого застрелил, — вступились
Товарищи; стрельба из ружей, схватка...
Итак: вот заседание министров,
Вот стычка пограничников, вот крики
Газетчиков, движенье тяжких толп,
Неистовства — за честь горизонталов
И вертикалов; вопль: война! война!
Войска мобилизованы. К оружию!
Отторгли от домов крестьянских парней,
Взревели пушки, затрубили трубы;
Полны людьми, мчат поезда на фронт;
Летят два мощных государства в пропасть!

Я поражен.

Сатана.

Молох

(ударяя по столу).

Вперед! Хотим мы действий!

Маммон.

Есть действия! Уж армии в строю.
Срок ультиматумов истек, — и вот!..

Сатана

(с дикой жадностью).

Вверни-ка адофон.

П р и с л у ж н и к.

Уже готово.

(Слышен грохот артиллерии).

Молох

(вскакивая).

Что слышу я?

Маммон.

Орудия! Они

Свой рев не прекратят, пока себя
Всё человечество не ввергнет в ад.
Вот наша техника!

(На экране — тяжелая артиллерия в действии: главари вскакивают на ноги в возбуждении).

Вот плод ее!

(Снаряды, разрывающиеся в траншеях и укреплениях, со взлетающими на воздух человеческими телами).

Злые духи.

Ура! Ура!

Сатана.

Настало наше время:

Вот коронационный день для ада!

(На экране проходит ряд батальных сцен: войска, атакующие траншеи: штыковой бой, сны яростного боя один на один. Грохот артиллерии продолжается. Возбуждение злых духов доходит до неистовства, — они стучат об стол, бросают на пол винные стаканы, пляшут, обнимают друг друга и, наконец, разражаются хором).

Слава! Слава! Шайка в сборе!

Чорта с два! Чего нам боле?

Чорта с два! Чего нам боле?

Слава! Слава! Шайка в сборе!

Чорта с два! Чего же боле нам теперь?

Маммон.

Прогресс, милорды! Знания и система!

Когда-то люди были червяками,

В убожестве друг друга пожирая.

Теперь у них есть крылья, как у ос.

(На экране — эскадрилья аэропланов).

Парят с орлами, прыдают, как совы,
Смерть воеет в облаках, дождь яда льется.

Бывало, люди плавали по морю,

Теперь имеют плавники, ныряют,

Делясь кровавой радостью с акулой.

Смотрите, вот, в огнях, пловучий город.

(На экране — океанский пароход).

Балованных бездельников игра
На палубе идет, здесь бал; внизу же,
Там — кочегары трудятся для ада!
Когда-то родилась из пен Венера!
А в наши дни — механика убийства!

(Появляется субмарина).

Вот пущена торпеда, слышен грохот,
Кренится великан, и светлы гаснут.
Молох, детей ты спрашивал: вот дети.
Громадные впились в живот их крабы,
И рыбки малые клюют глаза их.

Молох.

Пред тем, как кончить, я взгляну поближе.

Маммон.

Но только интерлюдия сначала
Посмотрим комедийную! Припомним:
Там, где воздвигся ада круг седьмой,

(На экране — соответствующая картина).

На берегу Карболовых озер,
Сидели два дородных беса, копья
Вонзая в души, плававшие близко.
Так этих видных граждан я облек
В одежды пышные, хвосты же спрятал, —
Представьте же себе, из этих чудищ
Что сделал я? Викариев господних!

(Веселье злых духов: на экране — служба в соборе).

Нужна им вера, — что ж не утвердить
Готовности евангелье святое?

Сатана.

Религию как назвали вы эту?

Маммон.

Конечно, христианской.

Злые духи.

Христианской?

Маммон.

Да, в этом шутка вся. Мы взяли церковь
Его, его изображение, имя,
Священников и паству, плоть и кровь!

Велиал.

О, Иисус!

Вельзевул.

Насмешка мировая!

Сатана.

Навек припаянный венец терновый!

Маммон.

Вам хочется проникнуть в эту шутку.
Вот Спрут, архиепископ вертикалов,
И Плут, горизонталов архипастырь.

(Оба прелата рядышком, скаля зубы).

Спрут богу шлет молитвы о победе,
Плут то же самое, тому же богу, —
Причина замешательства на небе!
И каждый освящает флаги, пушки,
Войска благословляет на поход —
Чтоб убивали прихожан другого!

(На экране — религиозная церемония в тылу).

Поет хвалу патриотизму каждый
И слышит отзвук хохота в аду.

(Крики и смех злых духов).

Сатана.

Верховные щекочет это центры.
Как смотрит бог на ваше христианство?

(Безмолвие невольного трепета. Экран темен: постепенно распространяется свет, и мы видим трон опрокинутым и отца, лежащего ничком на ступенях. Ропот возбуждения среди злых духов, постепенно вырастающий в целую бурю насмешек и мяуканья).

Вельзевул.

Упал он! Нос сломал!

Сатана.

Конец ему,

Он вынести не мог.

Велиал.

Давайте сына!

Злые духи.

Что думает князь мира?

Сатана.

Дайте сына!

(Свет меркнет; постепенно показывается Иисус, висящий на золотом кресте).

Злые духи.

Ура! Ура! Он распят вновь!

Вельзевул.

Хвала

Тебе, Иисус, царь иудейский!

Сатана.

Если

Ты божий сын, сойди с креста и эту
Войну прерви.

Астарта.

Врач, исцелися сам!

Велиал.

Твои напрасно блеют овцы, пастырь:
Их волк пожрет.

Молох.

Хвала, о наш спаситель!

(Слезы струятся по щекам Иисуса).

Злые духи.

Он плачет! Плачет он! О, мягкосердый!

Сатана.

Маммон, я тонкую черту отметил:
Крест золотой ты сделал...

Астарта.

И камня

Сверкают на гвоздях.

Маммон.

Доход нам верный
От этого последнего распятия.
Потратиться могу я на искусство,
На алтари в каменных, на парчу,
Чтоб жирные мои оделись черти,
И Спрут, архиепископ вертикалов,
И Плут, горизонталов архипастырь.

Вельзевул.

Я думаю, все деловые люди
Могли бы этой паре дать аванс.

(Спрут и Плут показаны сидящими за дорогой трапезой;
они зубоскалят друг перед другом во время попойки).

Сатана.

Тост! Тост! Мы пьем за родину и бога!

(Трубный гром; злые духи встают и пьют; Спрут и Плут
тоже встают и пьют).

Злые духи.

Воины христовы,
На войну, вперед!
Крест вас Иисусов
За собой ведет.
Троны и короны
Могут исчезать, —
Церковь Иисуса
Будет век стоять.
На врага учитель
Вышел впереди!
Под его знамёна

Смело в бой иди!
Воины христовы
На войну, вперед!
Крест вас Иисусов
За собой ведет!

(Пока продолжается пение, картина на экране превращается
в церковную службу с выступающим хором мальчиков,
потом — в полки, идущие в дело. Гимн заглушается гулом
артиллерии; облака дыма окутывают войска, и почва вся
взрыта орудийным огнем. Картины боины и ужаса в
окопах, дикие крики злых духов, трубные звуки, продол-
жающийся грохот артиллерии. Внезапно Маммон подни-
мает руки, наступает полная тишина. На экране — Прои-
доха за своим бюро, за усиленной работой; он нажимает
кнопки и подписывает бумаги; затем Пролаза, диктующий
распоряжения стенографистке).

Маммон.

Итак, вожди! Прошу мне указать,
Какой приятен вам аспект забавы?

Сатана.

Войну двух государств ты разумеешь?

Маммон.

Нет, времена другие: словно стадо,
Бросаются народы сами в яму.
Вы видите, сквозь дым: полосы флагов
Там вертикальны, там горизонтальны,
Там флаги в звездах, там с луной, там
с солнцем,

Смотрите, вот медведь, и тигр, и лев,
И вот орлы — двуглавый, одноглавый,

И стает тут же коршуны, вороны, —
Дельцы, все в чёрном, ловкие к добыче.
Бой тянется безумный на два фронта.

(На экране географическая карта с запутанной системой окопов; затем — карта Европы, с обозначением боевых линий с маленькими флажками).

Траншей два ряда вяжут материк
До моря. Враг ныряет и летает,
Буравит почву, — небо, и земля,
И океан — Готовности добыча!
Страх в городах, страх в фермах одиноких;
У гибели — всевидящее око,
И ненависть — огонь внутри котельной!
Вот — красноречьем пьяная толпа.

(На экране — скопление народа перед общественным зданием: слушают военного оратора).

Нет пьянства лучшего! Внимают басням
Про ужасы, измены и шпионства.
И руки чешутся — найти врага,
Чтоб бешенство излить.

Сатана.

А что же это?

(В одном углу толпы хрупкая молодая женщина сделалась центром суматохи; толпа обступила ее, угрожая).

Волненье?

Маммон,

Непредвиденное что-то...

Вельзевул.

Шпион?

Велиал.
Меж нас предатель?

Астарта
(указывая).

Посмотрите!

Знакомое лицо! Монашка наша!

Сатана.

Мой Бич! Конечно, он! Я позову.
Вверни-ка адофон.

Прислужник.
Уже готово.

Сатана
(приказывает).

Бич-Злоязыч! Вернись! Повелеваю!

(Видно, как маленькая монахиня вздрагивает; она осматривается, потом исчезает в толпе. Мгновение спустя Бич плавно спускается сверху).

Бич.

Мир постарел на бездну лет с тех пор,
Как улетел я! Радуйтесь!

Сатана.

Что значит

Всё это?

Бич.

Как мне велено, шпиону
За ангелами.

Сатана.

Где они?

Бич

(показывает на экран, на котором все еще видна женщина, разговаривающая с толпой).

Один.

Вот, в женщине!

Сатана.

Да нет!

Бич.

Тебя провел он!

Сатана.

Который же?

Бич.

Любви.

Вельзевул.

Ох, наказание!

Бич.

Сойти на землю соблаговолила
И в дело впутаться; как пацифистка,
Она войну в народе обличает;
Все — братья, одного все дети бога,
И счастье им принес бы дух любви.

Вельзевул.

Не надоело ж этим словоплетам
Одни и те же повторять слова!?

Бич.

Она разнообразит: скажет им,
Что вертикалы — люди, как они,
Горизонталы же стремятся тоже
Нажить, — капиталисты, как Пролаза.
„Мы тоже“, скажут, „допускали зверства“;
Толпа же закричит: „Шпион! Шпион!
Предатель! Грязный рот заткни!“
(На экране — толпа избивает ангела Любви).

Смотрите:

Для любви не много места на земле.

(Смех злых духов).

Сатана.

А где другие два?

Бич.

Я их заметил.

Переоделся Ангел Правосудья.
Весьма умно: стар, сух, как столб, и лыс,
Как пятка, — кандидат социалистов.
Его занятие — мутить рабочих.

(На экране появляется Юджин Дебс¹), произносящий речь).

Сатана.

А третий где?

Бич.

За ним слежу всечасно,
Седой чудака с рассыпчатым хохлом...
Он делает военные наброски
Во славу Иисусову: аминь.

(На экране — Арт. Юнг²), делающий набросок).

¹) Дебс — вождь америк. социалистич. партии.

²) Юнг — американский художник.

Вельзевул.

Вот их бы поместить в „Известья“ наших.
Ад надо просвещать.

Маммон

(вставая, грозным голосом).

Напоминаю

Контракт нащ. Я ответственен за землю;
Со мной на ней не будет безрассудства, —
Любви, и правосудья, и сатиры,
Что сеют бунт, неуваженья к власти.

Сатана.

Но не мечтателей же ты боишься?...

Маммон.

Приспело время раздавить змею...
Контору дайте!

Слуга.

Сделано, мой лорд.

(На экране — контора Маммона).

Стол сорок девять! Требуется бес мне
С глазами ястреба — искать врагов,
С копытом рысака — топтать их в грязь,
С душою гада, с кожей бегемота,
И подлинно понаторевший в праве.

(На экране суетится множество писцов; генерал-прокурор выходит на сцену. Похож он на А. Митчель Пальмера; деловой человек со спокойными, уверенными манерами).

Генерал-прокурор.

Меня вы звали, сэр?

Маммон.

А! Прокурор!

Как видите, у нас всё под рукою.
Каков твой стаж?

Генерал-прокурор.

Разнообразен, сэр.

(В продолжение дальнейшей сцены на экране генерал-прокурор, распоряжающийся различными пытками).

Я был пытатель инквизиционный,
Я в новой Англии травил колдуний,
Я осудил Сократа выпить яд,
Я дал совет Пилату вымыть руки,
Иуде ж дал совет их загрязнить.

Маммон.

Так. Ты пойдешь на землю раздавить
Сопротивляющихся мне. Не бойся
Трат. Забери хоть десять тысяч бесов
Для тайных поручений, всех чертей,
Что могут пригодиться для мучений.
Метлой будь новой, дочиста мети.

Генерал-прокурор.

Кого, сэр?

(Он вынимает блок-нот и записывает данные. В то время как называются различные типы людей, целый ряд их проходит по экрану: несколько пацифистов, включая и женщин, квакеры, священник; социалисты и синдикалисты; один анархист, чернородый и свирепый, с бомбой и брошюрами, Билл Хейвуд, с черной подвязкой на одном глазу; два „уоббли“ шелудивые оборванцы; длинноволосые поэты и мечтатели с рукописями, музыкант со скрипичным футляром; идеалисты, альтруисты, прагматисты).

Маммон.

Как зовут их — пацифистов,
Социалистов... Как их?..

Бич.

Анархистов,
Синдикалистов также всяких толков,
Рабочих агитаторов и уоббли.

(Показывает на Билл Хейвуда на экране).

Вот он, вот безнадежный человек,
По имени Билл Хейвуд¹⁾, вождь всех уоббли.
Кривой, давнишний техник недовольства.
Отметь его и уничтожь.

Генерал-прокурор.

О, да.

Маммон.

Еще?

Бич.

Для верности уж всех артистов,
Всех „литерати“.

Маммон.

Иностранный звук...

Бич.

Идеалистов всех и альтруистов;
Уверенными с ними быть нельзя.
И прагматисты иногда опасны.

¹⁾ Билл Хейвуд — американский коммунист, участвовал в качестве делегата от Америки на одном из последних конгрессов Коминтерна.

Маммон.

Мы их причислим тоже.

(Генерал - прокурору).

Имена

Заносишь?

Генерал-прокурор.

Я об их значении справлюсь.

Маммон.

О, не трудись! Захватывай любого,
Кто под одним из тех имен известен.
Им головы дави. Не думай долго,
Их колесуй, задай им третий градус,
Иль лучше прямо в ад доставь; я с ними
Расправлюсь сам.

Генерал-прокурор.

Я слушаю вас, сэр.

Маммон.

Постой. Запомни, что ты должен быть
Юристом по присяге; это значит,
Что почитаться должен патриотом.
(На экране — генерал - прокурор в заседании суда).
И о религии не забывай:
Войну ведем мы именем Иисуса.

Генерал-прокурор.

Я практику имел в таких делах,
По ханжеству я стал специалистом.

Сегодня я имел на колесе
Чудесного плута, — зовется квакер.

(На экране — квакер, смиренный и благочестивый)

С а т а н а.

Прекрасно! Остроумия венец!
Так квакер будет нашим прокурором!

В е л ь з е в у л.

Скует он пацифистов ради мира,
Исколесует ради милосердья,
Раздавит черепа в честь Вильям Пенна!

(Смех злых духов).

Г е н е р а л - п р о к у р о р.

Еще что, сэр?

М а м м о н.

Еще одна подробность.
Брать собственность врага и с молотка
Пускать. Всё купят дешево мои
Агенты.

Г е н е р а л - п р о к у р о р.

Будет сделано. Иду.

(Он раскрывает крылья и, паря, улетает вверх; на экране — генерал-прокурор в своей конторе на земле).

М а м м о н.

А ты, мой Бич, трех ангелов отправь
Немедля в эти квакерские когти.

Б и ч.

Совсем легко! Их тотчас приведу.
И не мигнете, — будут все в аду.

(Он следует за генерал-прокурором; на экране — маленькая монашенка в народной толпе на земле; толпа дико ликует).

М а м м о н.

На след напал. Добыча будет скоро.

С а т а н а.

Маммон, что значит этот шум в толпе?

М а м м о н.

Сражение было, и у них победа!
Они взнеслись на крыльях славы!.. Вот!..

(На экране — поле сраженья с трупами людей и животных, сломанные пушки, нагроможденные в кучу обломки с полупогребенным человеком, корчащимся в агонии).

С а т а н а.

О, слава славы! Громкая победа!

З л ы е д у х и.

Ура! Война вослед войне! Аминь!

М а м м о н.

Вот наши на земле вожди! Как славят
Они триумфы нашего искусства!

(На экране — большой официальный банкет с Пройдохой и Пролазой, Вралем и Вьюном, Спрутом и Плутот, генерал-прокурором и компанией плутократов и высокопоставленных военных. Они встают, поднимают свои стаканы и поют).

С а т а н а.

Они поют. Молчанье! Будем слушать.
Вверни - ка адофон.

С л у г а.

Уже готово.

(Хор за сценой поет „Deutschland über Alles“, или „Britannia rules the Waves“, или австрийский, или русский национальные гимны — любую патриотическую песню, кроме песен той страны, где поставлена пьеса).

С а т а н а.

Гимн благородный мы подхватим в лад,
Патриотизма чашу выпьет ад!

(Они встают, поднимают стаканы и сливаются в общем пении под трубные звуки и грохот артиллерии. По окончании песни все обтирают лбы и превращаются в актеров).

С а т а н а.

Ну, вот и еще один акт прошел. Что вы о нем думаете?

Дрянь.

Вельзевул.

Велиал.

Разве только одно; уже можно догадаться, куда он гнет. Настоящая пацифистская проповедь.

Вельзевул.

Сущее безобразие, и что теперь только не попадает на сцену!

М о л о х.

Конечно! В этой вещи мне все-таки нравится, что тут налицо все звезды первой величины...

А с т а р т а.

Смотрите, пожалуйста! Он себя называет звездой!

М о л о х.

А что в вас особенного? Я такая же звезда, как и вы.

А с т а р т а.

Я хотела бы, чтоб вы поняли, что у меня всё-таки руководящая женская роль в этом представлении.

М о л о х.

Подумаешь, какая руководящая! Одни плоские шутки в целом акте, сами вы сказали.

Б и ч.

Лэди и джентльмэны, не царапайтесь. Вот идет Ангел обучать вас хорошим манерам.

(Входит Ангел Любви).

С а т а н а.

Эй, Ангел Любви! Вы что делаете в нашей труппе? Ведь вы по кинематографической части пьесы.

А н г е л.

Нам выходить на сцену в следующем акте.

В е л ь з е в у л.

Вы мне напомнили о „Небесном Госте“. Я в нем играл лет десять тому назад во Фриско¹⁾. Всё-таки там была соль, в той пьесе!

¹⁾ С. - Франциско.

Молох.

Конечно! Я, помню, с трудом сыграл там джентльмена.

Вельзевул.

Да, вспоминаю; одно время был там мужчина...

Астарта.

Но партия кино в этой пьесе — никуда. Одни кусочки, — никакого связного сюжета!

Маммон.

А, должно быть, тоже стоила уйму денег.

Молох.

И публика за это платит.

Механик

(входя).

С меня они не получат ни гроша!

Вельзевул.

Что касается меня, мне всегда больше хочется комедии.

Механик.

А мне давайте Чарли Чаплина!

(Кричит оператору).

Эй, вы там, оператор! Дайте-ка нам что-нибудь из Чарли!

(На экране была Маммонова контора; неожиданно появляется „Чарли“ в аду. Крики удовольствия — кричат актеры).

Бич.

Гип! Гип!

Велиал

Ура!

(Чарли, изучающий ад, застенчивый и чувствующий себя неловко. Он видит дьявола и прячется. Подходит к щели в стене, нюхает дым, подносит пальцы к носу и отходит обратно. Обнаруженный дьяволом, поворачивается и спасается бегством. Дьявол преследует его со своей вилой, Чарли скрывается за тронем Сатаны; дьявол перепрыгивает через трон, а Чарли подползает под него; дьявол за ним. Аплодисменты актеров, сценических рабочих, чертей, вбегающих на сцену, Чарли выползает и хватается дьявола за хвост. Хвост обрывается к великому изумлению Чарли. Он приставляет его себе под фалды, придерживает его и машет так, чтобы дьявол видел. Сильное изумление дьявола, который никак не может постичь, что Чарли — тоже дьявол. Неудобство положения Чарли, который должен все время поворачиваться к дьяволу спиной, чтоб тот видел его хвост, и вместе с тем не уверен, что не будет тотчас же проткнут вилой. В конце концов дьявол решает, что Чарли — дьявол хоть куда, и уходит рука об руку с Чарли. Взрыв аплодисментов).

Механик.

Вот это по мне! Ура!

Актеры.

Правильно! Давай еще!

Вельзевул.

Если б мне выбирать, я взял бы Дэга. Чудо, если б они дали нам Дэга в аду!

Механик.

Эй, вы, там, оператор! Дайте - ка нам что -нибудь из Дэга!

(Дэглас Фэрбенкс¹) появляется в аду. Он улыбается и кланяется дьяволам. Целый рой охотится за ним, и он бро-сается на стены; длинный ряд акробатических номеров, с целыми тоннами золота, падающего на дьяволов. Дэглас спасается бегством. Аплодисменты).

Ха - ха - ха! Вот это можно назвать настоящим зрелищем! Но, господи боже! — мы с места не сдвинемся, если эти господа будут тут все время околачиваться.

Велиал.

Хорошо, но как же насчет занавеса?

Механик.

Чорт возьми, я опять позабыл!

(Убегает).

Сатана

(к публике).

Мы начнем второй акт немедленно, — если только полиция нас не остановит! С моей точки зрения, уже пора бы! Это — дрянь, непатриотическая пьеса, и не верьте вы в ней ни одному слову!

Занавес.

¹) Деглас Фэрбенкс — кинематографический актер.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тронная зала в аду, как и в предыдущих действиях. Главари сидят за маленькими столиками, на столиках — большие листы бумаги, карандаши, линейки, циркули и т. д.; все усердно занимаются. На экране — карта западного фронта, и Молох стоит с указкой, читая сухим тоном профессионала лекцию о военной науке.

Молох.

Вот стратегический наш принцип вкратце:
От трех дорог, снабжение подводящих,
Зависит этот холм, а над одной
Господствовать с той горной цепи можно.
Борьба идет здесь у речной дороги,
А здесь возвышенность — шестьсот пята-
дцать —

В значении наблюдательного пункта.
И раз она потеряна, холма
Не удержать, придется ряд очистить.
Итак, основа действий нам ясна:
Возвышенность нужна и тем, и этим,
Последствия ее утраты — страшны;
Подводятся резервы, переходит
Она то к тем, то к этим сто раз в день.

(На экране — войска, сражающиеся в воронках от снарядов).

Сатана.

Окопы сметены и стали прахом.
Все взрыл огонь, лежат солдаты в яме,
Пока она не станет их могилой.

Вельзевул.

Нет, эта шутка превосходит все.
Ком грязи, совершенно непригодный, —
И овладеть пол-мира им стремится,
Пол-мира борется, чтоб не отдать.

Велиал.

И стягиваются, как на магнит, сюда
Войска; так льется кровь, что стали
Течь крыши ада.

Молох.

Лучше б вы взглянули

На ход событий, как профессионалы.
Неважно, что за пункт — предмет борьбы;
По правилам, они должны сражаться,
Пока процент известный не погибнет.
Наука наша это называет
Войной на истощение; на учете
Не только мощь людская, но снабжение,
Кредит, мораль и интенсивность фабрик.

(На экране — большой завод с дымящимися трубами).

Но тут Маммона царство. Уступаю.

(Он садится).

Сатана.

За скорость я приветствую, с которой
Осуществил ты технику такую!

(Обращается к Маммону).

Маммон, весь ад на выучку послал ты,
Чтоб ознакомиться с машиной мук
И изучить продукции несчастья.
Открой же хитрый нам прием, которым
Ты к делу нашему привлек людей.

Маммон

(вставая).

Рекомендую: вождь всей пропаганды,
Профессор психологии лукавый;
Он доктор университета ада;
Здесь он ведет элементарный класс
Для государственных мужей и прессы.

(На экране — профессор, читающий лекцию Вралю, Вьюну
и другим).

Знакомит их с умом толпы и учит
Лепить народ по своему желанию.

(На экране — толпа перед общественным зданием).

Толпа кричит: „Смерть вертикалам!“ Здесь же
Муж государственный, никто другой, как
Наш Враль, премьер-министр горизонталов,
Известный убедительностью речи.

(На экране — Враль, переодетый Ллойд-Джорджем, обра-
щающийся к толпе).

Он с чернью говорит.

(К Сатане).

Вам не угодно ль
Дать указания, — что бы вам хотелось?

Сатана.

Включи-ка адофон.

Слуга.

Уже готово.

Сатана

(тоном военной команды).

Равнение налево, марш!

(Плут на экране улыбается и кланяется).

Маммон.

Он слышит.

И уж толпе толкует, что мораль
И честь национальная велят
Продвинуться по площади налево,
И движутся!

(Толпа, как один человек, бросается налево).

Попробуйте-ка вправо.

Сатана

(снова по-военному).

Направо!

(Плут кланяется).

Маммон.

Говорит, что времена
Переменились, разум и гражданство,
И благо общее повелевают
Им встать на новый путь. И вот ответ!

(Толпа бросается в правую сторону).

Вот это дисциплина!

Злые духи.

Ха-ха-ха!

(Они хлопают себя по ляжкам и стучат по столу).

Вельзевул.

Удобная, на самом деле, вещь
То чудо, что зовете вы „готовность“!

Маммон.

Сейчас я покажу вам нашу прессу.

(На экране — картина делового дня в редакции газеты).

Газетой Вьюн владеет; а издатель
Прошел свой полный стаж в „Известьях“
ада, —

Писал скандалы, чтоб унижить грешных, —
Ведь жертвы защищаться не могли!
Теперь же он выдумывает зверства.
Вот фотографии — все достоверны!

(На экране иллюстрированная газета с изображением солдата, держащего на штыке проколотого ребенка).

Народ глотает это, кровь бурлит,
Око за око, требуют репрессий,
Страна стремится превзойти страну;
Так наша греза вплотилась в явь!

Молох.

Мне нравится: ребята на штыках
Для праздника — любительский кусочек!
Ну, покажи еще.

Маммон.

Вот вам оратор.

(На экране — уличный оратор, страстно разглагольствующий).

Он крови ждет, правительство свое
Поносит за медлительность, и вот
Ответ толпы на эти разъяснения!

(На экране взбешенная толпа).

Хотели б всех врагов слить в одного,
Чтоб пальцами ему вцепиться в горло!

Вельзевул.

Не друг ли наш, не Ангел ли Любви?

(На экране—появляется Ангел).

Сатана.

Всё трудится, скользит в толпе народной;
Сна нет им, проповедникам восстанья!

Маммон.

А вот наш Бич, готовьтесь к развлечению!
Ага!

Маленькая монашенка обличает Ангела перед толпой, и толпа кидается на него в бешенстве; картина дикого смятения; Ангел разорван и растоптан. Злые духи кричат, как во время решительного кулачного боя на приз).

Сатана.

Прекрасно!

Вельзевул.

О, великолепно!

Молох.

Эй, рви его!

Астарта.

Гони его сюда!

Здесь место пацифистам.

Молох.

К чорту их!

Маммон.

Я многое еще вам обещаю.
Заметьте: умный Бич исчез для новых
Злых шуток.

Вельзевул.

Поглядим его работу!

Маммон.

Во-первых, прокурор наш за делами.

(На экране — генерал - прокурор, усиленно занимающийся за своим бюро).

Повсюду заговор открыть умеют
Его шпионы и подкинуть бомбу
Туда, где надобно ее найти.

(На экране — шпион, заглядывающий в замочную скважину комнаты; он проникает внутрь и прячет бомбу в чемодан).

Билл Хейвуд здесь живет. Теперь он наш.

Сатана.

Сколь странные, Начальник Производств,
В мозгу твоём рождаются затеи!

Маммон.

И этот специфический прием
Волшебно действует на забастовки.
Нам взорванной одной довольно бомбы,
Чтоб шею забастовщикам свернуть,
Сковать вождей и мир восстановить.
А вот и Хейвуд!

(На экране — Хейвуд входит в номер отеля; он поднимает чемодан, и в это мгновение врываются сыщики и схватывают его).

Не подозревая,
Он входит в номер свой, берет мешок,
Но тут как тут секретные агенты, —
И скоро он завоюет здесь в аду!

Вельзевул.

И ангелов сюда! Зловредны оба!

Маммон.

Вот старая калоша, агитатор,
В неглупой маске, Ангел Правосудья.

(На экране — Дебс, обращающийся к митингу).

Он возбуждает грубый элемент
На классовую ненависть, — ужасно!
Война, он говорит, Маммона дело,
Пролаза и Пройдоха — слуги ада,
А Враль и Выюн — лишь злые духи оба,
Епископы же, Спрут и Плут, — два чорта,
И даже генеральный прокурор —
Несовершенный квакера образчик.
Вся гнусность клеветы для нас понятна.

Молох

(возмущенно).

Ты долго ль безнаказанной оставишь
Такую дерзость?

Маммон.

Потерпи могучий!

Теперь у нас мир права и порядка.
Мы действуем с достоинством, по мерке.
А вот идут и люди прокурора!

(Группы сыщиков и полицейских входят на трибуну и хватают оратора. Толпа начинает протестовать, на протесты полицейские яростно отвечают дубинами. На Дебса надевают наручники, ему завязывают рот и ташат с трибуны).

Злые духи.

Ура! Ура! Лули его! Лули!

Сатана.

Твой правовой порядок побеждает,
Вполне доказывая превосходство
Свое над всеми формами насилия!

Молох.

Мне эта грубость нравится. Еще!

Астарта.

Другого ангела, я вас прошу.

Вельзевул.

Минутка смеха, наконец-то!

Маммон.

Вот!

(На экране — мастерская Арт Юнга. Он рисует на черной доске дьяволов, заряжающих пушку).

О, Ангел Юмора! Ключ недовольства!
Вот до какой дошел он чертовщины,
Что будто мы орудья заряжаем.

Велиал.

Измена, истинное богохульство!

Молох.

Отметьте!

Маммон.

Сведений — библиотека!

А вот шпион!

(На экране — маленькая монахиня; она входит и рассматривает рисунок, художник мельком на нее взглядывает, улыбается дружески и продолжает работать).

Вельзевул.

Монашенка!

Сатана.

Мой Бич!

Маммон.

Смотрите, вот другой шпион — слуга.

(На экране — уборщица, она входит и шпионит).

Молох.

Чудесная затея!

Маммон.

Вот еще, —

Посыльный.

(На экране — посыльный в форме; входит и, так как художник не обращает внимания, начинает шпионить).

Астарта.

Как умно у них всё это!

Маммон.

Мы возвели шпионство в специальность,
Им бесы занимаются с восторгом.

Пред вами слесарь, — так и он шпион!

(На экране — слесарь, который входит и рыщет кругом)

А вот разносчик с пластырем мозольным,
Заметьте, как хитро переодет он.

(Входит продавец пластыря в зеленых очках).

Вельзевул.

Чудесно! Я любитель детективов.

Сатана.

Мне кажется, несчастный окружен.

Маммон.

Почти. Его уж близок час. Еще
Шпионы с барабанным боем!

(Входит группа членов Армии Спасенья, предводитель бьет в огромный барабан, две девушки с тамбуринами, старик с флагом, все поют. Художник спокойно продолжает заканчивать свой рисунок).

Астарта.

Он

Опасности не чует.

Маммон.

Гениально!

Он счастлив в помыслах своих. Но мы
Отсюда вытащим его. Смотрите!
Готов рисунок, — и засада тоже.

(Внезапно все шпионы сбрасывают свои личины, достают лубинки и револьверы. Они бросаются на удивленного художника и сковывают ему руки; сыщики опрокидывают мебель, скачут по рисунку, танцуют на пишущей машинке, рвут пуховые подушки и бросают их на художника, наконец толкают его к окну и выбрасывают вниз головой. Злые духи восторженно гикают).

Злые духи.

Ура! Ура! Вот правовой порядок!

Сатана.

Маммон, усовершенствовать хочу я
Искусство разрушенья: Там, в глубинах,
Есть злостный газ для удушенья грешных, —
Закупорить его да и на поле!

(На экране — бесы, закупоривающие газы).

Маммон.

Уж химики мои над ним сидят:
Агонизирующие полки
Увидите и города умерших.

(На экране — войска, корчащиеся в облаках газов).

Вельзевул.

Мерещится стальной мне, грандиозный
Форт, зарывающий во прах полки...
(На экране — танк в действии).

Маммон.

План втайне держится; у вертикалов
Работают секретно инженеры;
В стране ж горизонталов между тем
Уж трудятся над пушкой, чтобы танки
Разрушить, только лишь их пустят в ход.

Сатана

(к Маммону).

На всей земле такая чертовщина
Сама собой, что мы, пожалуй, лишни.

Маммон.

Есть и у вас обязанность, вожди:
Богатым быть, жить элегантною жизнью,
За счет работы ваших подчиненных.

(На экране — тяжкая работа бесов в аду. Главари смотрят друг на друга в ужасе. Некоторые вскакивают).

Молох.

Нет! Нет! Желаем мы трудиться сами!
Свяжу я жертв той бойни и стащу
Сюда. Я соберу младенцев тоже.
В разгаре войн должно их быть немало!

(На экране — дети - беженцы).

Маммон.

Несчетный рой, — и голод на дороге,
И эпидемии, конечно!

Молох.

В путь же!
Я идолов громаднейших настрою!

Маммон.

Теперь их называют — „крематорий“.

(На экране — крематорий).

Астарта.

Я требую невест войны, вдов войска,
Обещанных.

Маммон.

Девичество на воле;
Тщеславье и сырое наслаждение
В огонь всепожирающий беспутства
И похоти я раздуваю. Вот,
И спекулянты посреди утех!

(На экране — кутеж спекулянтов с девушками в хаки).

Астарта.

Ждать не могу! Хочу принять участие!

Маммон.

Всю женскую использовал я прелесть.
В шикарных будешь ты царить салонах
И редактировать журналы мод.

Велиал.

А где моя годится специальность?

Маммон.

Тебе — войны любовное бесстыдство!
У линий я настроил лупанаров —
(На экране — длинное военного типа здание).

На белых женщин, очереди долгой
Ждут негритянские войска, — смотрите!

Вельзевул.

Вид поучительный; давайте, взглянем
Внутрь здания!

Маммон.

Коль ваши нервы крепки!

(На экране мелькает на одно мгновение зала с массой
женщин; затем надпись: „запрещено цензурой“. Злые
духи смеются).

Сатана.

Вот шутка! Слишком мерзостно для ада!

Вельзевул.

Нет, я с такой цензурой не согласен;
Я стар и сам с своей моралью справлюсь.

Маммон.

Терпенье! Запасной я ключ имею
И в заведение это вас введу
Чрез боковую дверь... Финал посмотрим!

(Экран темен; понемногу светлеет, становится видна отвратительная, серая, труповидная фигура,двигающаяся под тихую музыку и протягивающая руки к скелету).

О, лэди сифилис! Царица крови!

Злые духи.

Хвала, о, лэди сифилис!

Маммон.

Со смертью

Танцует! — Сзади свита спирохетов!

Экран оживляется; маленькие белые штопоровидные существа снуют во всех направлениях).

Вельзевул.

Они визжат от счастья, гимн поют,
Благодаренье богу спирохетов,
Создавшему войну в угоду им! —

Велиал.

Маммону — гимн! Нам создал он войну!

Сатана.

Что, если б нам, Маммон, пойти на землю?
Продолжится конфликт?

Маммон.

Еще бы! Слушай!

Сатана.

Включи-ка адофон.

Слуга.

Уже готово.

(Дикое ликование слышно сверху из-за сцены. На экране — войска, марширующие на войну, толпы народа поют).

Все туда! Все туда! Все туда!
Идут ребята! Идут ребята!
Идут ребята все туда!

Злые духи.

Ура! Мы эту песнь себе присвоим!
И мы войдем в союз держав великих!

(Они маршируют со сцены по-военному, с пением, среди дикого грохота артиллерии и труб).

Все туда! Все туда! Все туда!
Идут и черти! Идут и черти!
Идут и черти все туда!

(Как только кто-нибудь из них уходит со сцены, он тотчас же появляется на экране, пролетая над головами толпы и размахивая флагом, пока, наконец, образуется целая масса дьяволов, принимающих участие в демонстрации. Флаг, применяющийся в этой сцене, должен, само собой разумеется, быть флагом той страны, которая последней вступила или готова вступить в войну с той страной, где воспроизводится картина).

Бич

(спускается сверху, ходит кругом, глядя в разные стороны).

Как так! Они ушли? Трон ночи пуст!

(Он смотрит на экран).

Ого! Гляди! Резвятся на земле!
Нет больше кошки! Вылезайте, мыши!

(Он останавливается перед троном).

Седалище авторитета, часто
Твою хотел испытывать я славу.

А силы хватит? — Хватит! С каждым днем
Я все сильней. Лишь стоит захотеть!
Ведь занят Сатана!

(На экране — Сатана, пожимающий руку генерал-прокурору. Бич осторожно на цыпочках подходит к трону и садится).

Не бейся, сердце!

Всего меня дрожь адская волнует,
Мою машину гонит, треплет кости!
Всегда я знал, что для порфиры я
Рожден и для величественных слов!

(Он подражает голосу и манерам Сатаны, который в это время на экране обращается к генерал-прокурору).

Мой прокурор, ты действуешь отлично!
Пришли-ка нам всю кучу душ с экспрессом,
А мы их здесь по-адски накалим!

(Возвращаясь к своим манерам Бича).

Я стал велик! Расширилась душа!
Мы этот тон испробуем на бесах!

(Голосом сатаны, сердито).

Вновь пусто здесь! Взорвись, о пламя ада!
Эй, слушайте меня!

Чертенок

(вбегая на сцену).

Я здесь, властитель!

Бич.

Что думаешь ты о моем наряде?

Чертенок

(низко кланяясь).

Властитель хочет помаскироваться?

Бич

Хочу быть собственным шутком на время,
И для себя шутить.

Чертенок.

Нет шутки лучше!

Бич.

Включи-ка адофон,

Чертенок.

Уже готово.

(На экране — арестованная женщина, ее вводят в камеру генерал-прокурора. Она падает на колени и умоляюще поднимает руки. Ее голос слышен из-за сцены сверху, она воет).

Мать.

О, вслушайтесь! Не за себя прошу,
Но за детей. Сэр, будьте милосерды!

Прокурор.

Но вы войне сопротивлялись. К чорту!

Мать.

Я — к чорту, дети же пусть помирают?
Где ж правосудье? Дети виноваты ль?

Прокурор.

Солдаты виноваты ли, что их
Вы предавали злостным пацифизмом?

Мать.

О, смилостивьтесь, сэр!

Бич.

Какая скука...

Разъедини...

Чертенюк.

Готово.

Бич.

Я хочу

Увидеть достоянье прокурора.
Веди мне грешников сюда.

Чертенюк.

Сейчас

(Он убегает со сцены).

Бич.

Так. Власть глуха, а послушанье слепо!
Вступает мозг в права. Ум правит миром!
Уж это мы используем всемерно!

(Из-за сцены слева выходит ряд жертв генерал-прокурора, ведомых злыми духами,—в руках у дьяволов вилы. Жертвы все те же, что появлялись на экране во втором действии, но теперь они оборваны и забрызганы грязью: Ангел Любви, Ангел Правосудия, Ангел Юмора; несколько пацифистов, среди них и женщины, квакеры, священник, анар-

хист, чернобородый и свирепый, с бомбой и брошюрами в красных обложках, Билл Хейвуд и два уоббли, длинноволосые поэты и мечтатели с рукописями, музыкант со скрипичным футляром, идеалисты и альтруисты и, наконец, мать.

Во время следующего эпизода, на экране проходят картины тюрем, темные камеры, каменные мешки, переполненные заключенными, ряды марширующих в тюремных дворах, жертвы генерал-прокурора, которых усаживают в арестантские повозки, и т. п.).

Бич

(приветствует пленников, когда они входят; некоторые встречают его взгляд с горестью и недоверием; другим грезятся видения, они в глубокой задумчивости).

Ага! Любви здесь Ангел! Ты нам нужен!
И Правосудья! Агитатор старый, —
Пожалуйте, мы примемся за вас!
И Юмора! Все нас ты рисовал.
Проверь же здесь свою „couleur locale“.
Что? — Пацифисты? Квакеры никак?
Ну, прокурор и присных не жалеет!
Есть даже представитель духовенства!
Проклятье же проклятым, — будь я проклят!
Вот анархисты с бородою черной,
С литературой красной и при бомбах!
Билл Хейвуд? Думал я — вы на поруках,
Механик недовольства одноглазый!
Вы, уоббли, тоже? — Будьте же гостями!
Мечтатели, поэты, музыканты,
Идеалисты, — все враги Маммона!
Мать под конец!.. О, вытри слезы! Дети
Твои скорехонько придут сюда!
Молчат. — А где ж те пенистые речи,

Что вас по всей прославили земле?
Вот хоть один не скучный, проявите ж
Вы, Ангел Юмора, себя пред нами!

Ангел Юмора

(откашливается).

Ваше острейшество! Я не учён
Был вежливости адской, — вы, как будто,
Сам Сатана?

Бич.

Вы льстите мне. Спасибо.

Нет, я здесь только шут, — Бич-Злоязыч!

Ангел Юмора.

Как? Шут? И здесь — товарищи артисты?
Но как же так уселись вы на трон?

Бич.

Опять шучу.

Ангел Юмора.

И мы под вашей властью?

Бич.

На троне я, и черти мне послушны.
Уж таковы глупцы, — слепа их вера.

Билл Хейвуд.

Вы думаете, всякий, кто на троне,
Распоряжаться может?

Бич.

Вы тщеславны,

Мой старый уоббли. Только здесь вас знают!
На троне — я! Назад!

(Билл Хейвуд повинуетя, но смотрит на двух уоббли, те кивают и начинают наблюдать за чертями с вилами; у них такой вид, будто они что-то замышляют).

Вас осудили

За то, что вы в войну вмешались нашу.

Ангел Любви.

Как вашу? Ад завел войну?

Бич.

Конечно!

Завел Маммон и платит нам проценты
Наличными, четыре раза в год.

Ангел Правосудия

(выступая вперед).

Я схвачен был за эти же слова!

(На экране Дебс на скамье подсудимых).

Пацифисты.

И я! И я!

Ангел Правосудия.

Единый наш проступок!

Бич

(от души расхохотавшись).

Вы посмакуете наш ум бесовский!

Пацифисты толкуют друг с другом и жестикулируют; он ударяет по ручкам трона).

Эй, помолчите! Юмор, говори!

Ангел Юмора.

Сказать по правде, я ошеломлен,
Но чувствую себя в аду, как дома.
И встретил здесь артиста, остроумца,—
Как, старина, вам тут немало платят?

Бич.

Стыдитесь! Что мне деньги?

Ангел Юмора.

Значит, вы
Пристрастны к правящему классу ада!
Вы веселите их, но, говоря
Начистоту, вы...

Бич.

Чистое искусство
Никак не совместимо с пропагандой.

Ангел Юмора.

По-вашему, я осужден, как дурень?

Бич

(возбужденно).

Вы рады душу самую искусства
Предать и вытащить ее на рынок.

Ангел Юмора.

А вы ее блюдете в тронной зале,
Иль в банковской конторе у Маммона!
Послушай, друг, — я знаю руку власти,

Прегрубую, — и грязные мозги!
(На экране — художник и Маммон, согласно описанию).

Артистов знаю душу; излучаясь,
В небесном сне, волшебный строит город, —
Чтоб кулаком он был разрушен власти!
Здесь сколько вы построили фантазий,
И злых обид от сильных понесли?

Бич

(в волнении).

В аду вы плащ надели чародея!

Ангел Юмора.

Мой юмор глубже ваших острых слов,
И в тайники он сердца проникает.
Зачем весь век артисту гнуть колени,
Служа лишь жиру, жадности и злобе?
(На экране — художник, склоненный перед Маммоном).

Пусть голос ваш раздастся для искусства!
Я на экране вижу — только муку.
Смеяться дайте ж нам, пока мы живы!

Бич.

Соизволяю. Посмотреть готов я.

Ангел Юмора

(берет карандаш и начинает делать движения, рисуя по воздуху; в то время, как он рисует, на экране появляется набросок, изображающий жирного дьявола — капиталиста, понуждающего целую массу чертенят мешать адский огонь).

Пред нами — беглый взгляд на ад Маммона,

И злой, и безобразный, как земля;
И вот — артист с душою непокорной.

(На экране показывается Арт Юнг, пишущий на адских печах: „Пролетарии ада, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме цепей, а завоюете вы весь мир“).

То формула марксистская, известно...
На бесов производит впечатление
Несчастный каламбур...

(Видно, как черти в возбуждении читают надпись).

Уж протестуют!

(Дьявол-капиталист бросается на чертей, они окружают его, прокалывают его сзади и бросают, лягая, в огонь).

Души.

Ура! Ура! Долой капиталистов!

Б и ч

(вскакивает с трона, дрожа от ужаса).

Что за бесчинство здесь вы учинили?
Коль увидал бы Сатана, он вам
Глаза бы заморозил!

(В течение следующей сцены черти, на экране, изображают различные эмоции, соответственно действию).

Ангел Юмора.

Что ему?

Сидите вы на троне.

Б и ч.

Только в шутку.

Ангел Юмора.

Нам нравится. Оставайтесь!

Души.

Все мы просим.

Б и ч.

Смеетесь? Я — правитель ада?

Ангел Юмора.

Что ж?

Б и ч.

К администрации я не способен.

Билл Хейвуд

(выступая вперед).

Для дела вы имейте нас в виду.
Мы будем охранять ваш трон, — и делать!

Б и ч

(в ужасе).

Назад! Я вижу заговор ваш гнусный!
Здесь большевистская, я вижу, пропаганда!
Всех выстроить! Всех насадить на вилы!
Я во-время свою опасность вижу!
Нет, я не дам их хитрости коварной
Играть на темпераменте артиста!

Ангел Юмора.

Но доблесть ваша не непобедима.

Б и ч.

Вон, лживые предатели, отсюда!
Гадюки возмущенья! Раздавить
Им головы, пусть воют в преисподней!
Вперед! Освободить меня от них!

(Ряд начинает двигаться, предводимый чертями. Души проходят мимо трона по верхней части сцены; Билл Хейвуд и два уоббли обмениваются сигналами; когда они подходят к трону спереди, Хейвуд наваливается на ближайшего чорта, а оба уоббли бросаются на Бича и хватают его).

Что это? Бунт? Ко мне! На помощь, черти!

(Черти кидаются выручать его, но уоббли сбрасывают его с трона, и Хейвуд очутился уже на его месте).

Б и л л Х е й в у д.

Назад! Назад! Мое вам приказанье!
Всех грешников — на волю! Вилы вниз!

(Черти немедленно повинуются; те, что показаны на экране, злорадствуют).

Мы новое имеем управление:
Здесь диктатура пролетариата!
Товарищам-рабочим благодарность!
Артиста отпустите: он смирится;
Наоборот, полезен будет нам.
Я — властен здесь! Бич, будешь мне служить?

Б и ч

(низко кланяясь).

Охотно, ваше большевиство!
Вы помните, недавно лишь как раз
Мечтал я обратиться в веру вашу.
Теперь я обращен. В чем ваша воля?

Б и л л Х е й в у д.

Я буду спрашивать. Один неверный
Ответ, и я перевяжу узлами
Твой хвост и натяну.

Б и ч.

По-королевски!

Б и л л Х е й в у д.

У заведенья этого есть входы?

Б и ч.

У ада? Есть.

Б и л л Х е й в у д.

Их можно запереть?

Б и ч.

Одно скажите слово.

Б и л л Х е й в у д.

Не замедлю.

Вас попрошу, товарищ Шелудивый.
Чорт, с ним пойдешь. Заприте все ворота,
И всюду стражу ставьте.

У о б б л и.

Понял, Билл!

(Он идет с одним из чертей; на экране видно, как они замыкают ворота).

Б и л л Х е й в у д.

Прибор ваш разговорный...

Б и ч.

Адофон?

Билл Хейвуд.

Разъединить его с землею можно?

Б и ч.

Скажите только слово.

Билл Хейвуд.

Не замедлю.

Разъединить с землей.

Слуга.

Уже готово.

Билл Хейвуд

(обращается к душам).

Теперь — предупреждение. Социальной
Мы революции куем основы.
Она, подозреваю, — не пикник.
Так все, кто не имеет аппетита
К боям, пусть удалятся.

Ангел Любви

(выступая).

Просьба, брат!

Билл Хейвуд.

В чем дело?

Ангел Любви.

Грешных отпустить сначала.
Их пытки слишком долги.

(На экране — муки грешников).

Билл Хейвуд.

Понимаю...

Но мы должны вперед беречь себя...

Ангел Правосудия.

Билл Хейвуд, ты ли пытки узаконишь?

Билл Хейвуд.

Э, Джен, они изрядно попылали
И закалились... Подождем, пока
Организуем силы.

Ангел Любви.

Снова крик!

Освободи их!

Билл Хейвуд.

Куча всякой дряни —
Коль вдуматься, все дураки, но в них
Контр-революция гнездиться может.

Ангел Правосудия.

Меж них повстанцы есть.

Билл Хейвуд.

Да, это верно.

Их выпустим. А кто?

Ангел Правосудия.

Один мне ведом.

Карл Либкнехт.

Билл Хейвуд.

Да! Позвать его сюда!

Слуга.

Исполнено.

(Карл Либкнехт входит; на экране — он же, входящий в партийное совещание в Германии).

Билл Хейвуд.

Привет, товарищ Карл!

Либкнехт.

Привет вам всем! Что за счастливый случай?

Билл Хейвуд.

Мы сделали в аду переворотик.

На троне — я; рабочий класс — диктатор!

Какой нам курс желательно принять?

Либкнехт

(сухим тоном речи на научно-социалистическую тему).

Проблема здесь совсем элементарна.

Чертей на классы надо разделить:

Рабочие, служащие, вожди —

Вот схема социальной пирамиды.

Пусть неорганизован пролетарий,

Сознание классовое в нем глубоко.

При первом слове, верно, все восстанут.

Билл Хейвуд.

А каковы они? Им верить можно?

Либкнехт.

Они сначала ангелами были.

При Сатане и их прогнали с неба;

Теперь молчат, в работе огрубели,

Эксплуатируемый класс в аду.

Но дайте только волю, — и природа

В них лучшая проснется тотчас — словом,

Рабочие.

Билл Хейвуд.

Мы знаем эту песню.

Соедини-ка адофон с котельной.

(На экране — помещения котельной).

Слуга.

Исполнено.

Билл Хейвуд.

А ну, товарищ Карл!

Либкнехт

(начинает прерывистую речь; на экране — черти прислушиваются).

Товарищи рабочие из ада,

Час социальных перемен настал,

Давно желанное благополучье

Эксплуатируемых, неимущих!

Недолго вам быть в рабстве дармоедов.

Народ свое наследство получает.

Внемлите вести радостной! Проснитесь!

Снимите кандалы! Звучи, ваш голос!

Сильный шум и крик слышится из-за сцены со всех сторон; на экране — восстание чертей).

Билл Хейвуд.

Вот их ответ!

(К Ангелу Правосудия).

Скажи им слово, Джэн!

Ангел Правосудия

(принимается за дело).

Проснитесь вы, рабы! Ваш день пришел!
Дрожит Маммонов трон, отныне жадность
Крепить не будет гнусного господства!
Рабочий, встань! Тебя зовет свобода!
С сего числа любовь царит в аду!

(Крики громче, чем когда бы то ни было, на экране —
черти, штурмующие конторы Маммона).

Билл Хейвуд

(вставая).

Привет, товарищи! Прошу я слова!
Не речи, нет, — нам действия нужны,
Мы все хотим великого союза...
Коль нам препятствовать захочет демон,
Так за штаны его, да и в огонь!
Теперь же выбирайте делегатов
И высылайте вверх, — пускай посмотрят,
Как исполняется рабочих воля!
Вся власть союзам! Вот наш клич: „В аду
Хозяев нет, и нет капиталистов!“

(Оглушающие приветственные клики; со всех сторон чер-
ти-повстанцы стремятся на сцену. Они все одеты в
красное, с вилами и пиками, также с красными знаме-
нами, на которых надписи: „Вся власть рабочим!“ „Долой

хозяев!“ „Единый великий союз!“ „Ад для чертей“ и т. п.
На экране — шествие толп в России, революционные зна-
мена. Входя, черти поют, и души подхватывают Интерна-
ционал).

Вставай, проклятьем заклеименный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насильем мы разроем
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем!

Это есть наш последний
И решительный бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Билл Хейвуд.

Привет, товарищи, которых выслал
К нам первый адский Интернационал.
Здесь сломим оппозицию, а после
Разбудим пролетариат земли!

Все.

Ура! Ура!

Либкнехт.

Освободим весь мир!

Билл Хейвуд.

Я слышал, есть у вас в труде система,
И по последнему науки слову
Ведут у вас дела специалисты.
Но правящим лишь классам это служит
И душит чаянья рабочих; ныне

Мы это все используем для нас!
В бюро пропагандистском воспитаем
Теперь чертей мы революционных.

(На экране — черти в школе).

Как агитировать мы их научим,
Сбивать престиж господствующих классов,
Во множестве, вы выйдете на землю,
Мутить войска и армии сливать,
На фабриках работать, подбивая
Рабочих к бунту, и войну закончить
Восстанием трудящегося класса!
Что скажете, товарищи?

Л и б к н е х т.

Согласны!

В с е.

Ура! Освободим от ада землю!

(Они запевают Марсельезу ¹⁾).

Вперед, сыны отчизны милой!
Для нас победы пробил час!
Вознесен тиранической силой
Окровавленный стяг против нас.
Вы слышите в селлах пустынных
Солдата свирепого крик?
Злодей до сердца к нам проник,
Душит жен, младенцев неповинных.
К оружию, народ!
Сбирай за рядом ряд!
Вперед! Вперед!

¹⁾ Размер обусловлен мелодией.

Пусть темной кровью враг
Поля зальет! (bis).

(Пение прекращается, действующие лица превращаются в актеров).

Б и л л Хейвуд.

Так, чем дальше идет пьеса, тем все хуже.

(Снимает повязку с глаза).

А н г е л Правосудия.

Это дошло до предела!

(Он снимает свой лысый парик; оказывается, что под париком у него волосы).

Б и л л Хейвуд.

Это сущая большевистская пропаганда! Вот что это такое!

Б и ч.

Так-то так, но пока они нам платят деньги...

Б и л л Хейвуд.

Чорт возьми! У тебя-то за душой, может, и ничего нет, а я должен подумать и о своей профессиональной репутации.

Б и ч.

О, не знаю! Я говорю...

Б и л л Хейвуд.

Недурно это будет звучать в конторе! Где вы работали последнее время? О, я играл Билл Хейвуда в аду!

Ангел Правосудия.

А я играл Джэна Дебса в аду!

Ангел Юмора.

Я представляю себе, как они вам скажут — подите вы к чертям с вашими новыми пьесами! Ха-ха-ха!

Билл Хейвуд.

С того самого дня, как я начал работать, никогда я не видывал такой кучи висельников на сцене!

Механик

(хлопотливо входит).

Эй, товарищи, дайте дорогу! Нужно менять декорации. В последнем действии декорация другая. Ступайте! Да пошевеливайтесь же! Проходите. Ну? Шевелите ногами!

(Выталкивает их в разные стороны; толпа чертей и душ удаляется через различные выходы. Билл Хейвуд, три ангела, Либкнехт и Бич поворачиваются в сторону публики. Пока заканчивается эта сцена, группа рабочих уносит мебель и начинает разбирать декорации, поскольку это можно делать без шума. На экране продолжают русские революционные демонстрации).

Билл Хейвуд.

Но вот, что мне непонятно: как это полиция допускает такую непозволительную вещь!

Ангел Правосудия.

А тонкий каналья написал эту пьесу! Заметьте, действие не приурочено ни к какой определенной стране.

Ангел Юмора.

Даже слова: „Идут янки“ — он заменил словами: „Идут ребята“. О-го-го! Этого они не изловят!

Билл Хейвуд.

А все-таки надо бы его в тюрьму!

Сатана

(прохаживается в одном жилете).

Что об этом говорить? Если он прямо не сказал...

Билл Хейвуд.

Во всяком случае он, несомненно, думает так, и этого уже довольно. Вот вы увидите, — если он поставит эту пьесу в Германии, держу пари, у них будет фигурировать американский флаг!

Ангел Правосудия.

Что-о? Американский флаг в этом зрелище? Пускай попробуют! Мы все пойдем прямо на Берлин!

Билл Хейвуд.

Надо бы туда пойти во всяком случае. Дать этим колбасникам урок раз навсегда!

Либкнехт

(приближаясь).

Прошу извиненья. Не забывайте, пожалуйста, что есть один немец в труппе.

Билл Хейвуд.

Ну, если вам не нравится моя речь, тогда...

Ангел Юмора.

Ну, ну, ну, господа! Не ссорьтесь! Учитесь смеяться вместе с этим хорошеньким ангелочком.

(Выталкивает Либкнехта).

Ангел Правосудия.

Я знаю, что я сделаю! Я пойду позову полицию!

(Убегает).

Механик

(выходит, показывает на автора, который стоит за кулисами).

Эй, вы не знаете этого молодца?

Билл Хейвуд.

Кто он такой?

Механик.

Он самый.

Билл Хейвуд.

Кто?

Механик.

Большевик, который написал эту пьесу!

Сатана.

Тише! Он услышит!

Билл Хейвуд.

А кто-нибудь должен был бы ему сказать, что об нем думают.

Механик.

Видите, чего он тут ждет?

Билл Хейвуд.

Чего?

Механик.

Все надеется, что публика его вызовет!

Билл Хейвуд.

Как же, вызовут его!

Механик.

Ну, уж я-то тут буду не при чем! Я ему спущу занавес на голову! А там ребята думают, что пьеса всё еще продолжается! Ха-ха-ха.

(Все смеются).

Уоббли

(прогуливаясь).

Чему смеетесь?

Механик.

Да вот — эта самая большевистская пьеса...

Уоббли.

Кто говорит, что это большевистская пьеса?

Механик

(агрессивно).

А кто говорит, что нет?

(Указывает на экран).

Посмотрите на эти сцены! Разве это не русские? И вы думаете, такие вещи сделаны, чтоб их показывать в Америке?

У о б б л и.

А какой же от них вред?

М е х а н и к.

Чорт подери! Уж вы сами не принадлежите ли к уоббли?

У о б б л и.

Да ну вас, вы не отличите уоббли от разносчика.

Б и л л Хейвуд.

Ого! Да тут, кажется, есть и настоящий. А ну-ка, предъявите вашу красную карточку.

У о б б л и.

Кто вам велел спрашивать мою карточку?

М е х а н и к.

Чорт подери, я охотно бы наложил руки на одну из этих змей!

У о б б л и

(поворачиваясь лицом к механику).

Ну, что ж, и накладывайте!

М е х а н и к

(становясь в боевую позицию).

Я вам покажу!

П о л и ц е й с к и й

(внезапно входит и кричит, показывая на экран).

Кто тут показывает эту русскую штуку? Довольно! Мы не хотим красной пропаганды — во всяком случае не в этом городе.

(Указывая на оператора).

Закройте экран!

(На экране появляется надпись „Запрещено“, полицейский подзывает механика).

Эй, вы, механик! Опустите-ка занавес! Довольно уж было революции сегодня!

М е х а н и к.

Вы совершенно правы, сэр! Иду!

(Убегает).

П о л и ц е й с к и й.

Я повидаюсь с администрацией прежде, чем начнется следующее действие, и, будь я не я, они закончат вещь как следует, или здесь у дверей будет целая куча арестантских повозок.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена изображает одну из передних воронок от снаряда на возвышенности 615, описанной в третьем действии. Час — перед самым рассветом в день рождества Христова. Сцена в полном мраке, так же, как и экран. Кругом разбросаны кучи обломков, мертвые тела, старое платье, сапоги и т. п., пушка разбитая, дулом вверх, и расщепленный ствол дерева.

Воронка помещается в центре сцены, близ самой рампы; она наполнена водою, илистой и грязной, со снегом и льдом по краям. В ней лежат шесть рядовых и лейтенант, выглядывая через край в сторону врага влево. Выше виднеются другие воронки с людьми. Они удерживают позицию уже несколько дней и находятся в последней крайности. Вся сцена играет в пониженных тонах. Артиллерийский огонь ставит знаки препинания в диалоге. Некоторое время после поднятия занавеса не произносится ни слова; только стоны и рычания, скорее диких зверей, чем человеческих существ; также звук шлепанья по воде, дрожь холода. Сцена играет медленно, с промежутками между различными замечаниями людей, уже едва способных говорить.

Том.

А! А!

Дик.

Молчи, дурак!

Том.

А!

Дик.

Голова!

Услышат!

Том.

Пусты!

Гарри.

Там знают, что мы здесь?

Джон.

Приказано молчать.

Дик.

Еды прислали б!

Билль.

Подвинь-ка ноги с моего лица.

Том.

Замерзли. Сам подвинь их.

Билль.

Ладно.

(Слышен всплеск).

Том.

Чорт!

Ты в воду бросил их...

Джим.

Потише там!

Гарри.

Вот ночь, Исус!

Том.

А!

(Долгое молчание, прерываемое бульканьем воды).

Джим.

Буль-буль... Что это?

Билль.

Пузырится. Покойники играют.

Джон.

Я полагал, — помрешь — дышать не будешь.

Билль.

То — призраки. Они не умирают.

(Молчание).

Том.

Ах!... Что же не стреляют? Почему ж?

Гарри.

Ночь разве не стреляли напролет?

Дик.

Оставь ты мальчика. Он умирает.

Он прислан — умереть.

Том.

Мое уж счастье!

И кто до нас тут вытерпел три ночи?

Брр! Зубы чортовы стучат до боли!

Джон.

Эй, малый, соскользни, да в грязь лицом.
Коль ты не замолчишь, так мы заставим.

(Молчание).

Гарри.

Грр... Знает кто, какая ночь сегодня?

Дик.

Для нас — последняя, чего ж нам больше?

Гарри.

Канун рождественский!

Джон.

Исус, и правда!

Билль.

Вот отчего и не стреляют.

Дик.

Чорт!

Все годы рождества не соблюдали!

(Молчание).

Том.

Горит нога, о боже!

Дик.

В самом льду?

Том

(в бреду).

О, Мэри, я хочу увидеть елку!

Дитя! Мое дитя! Приехал папа
На рождество!

Билль.

Эх, бедный мальчик, спятил!

Дик.

Предупреждаем, Том! Иль не шуми,
Иль ты у нас примолкнешь.

(Молчание, потом громкий храп).

Билль.

Иисус!

Ведь это лейтенант!

Гарри.

Его бы в воду!

(Молчание).

Билль.

Случилось что-то там у негодяев.
Уж два часа — ни одного снаряда.

Джим.

Они померзли все, быть может.

Джон.

Знаем,

У них в воронках не теплей, чем в наших.

Гарри.

Премиленькая жизнь, на самом деле!
Единственный комфорт, для нас доступный:
Представить, что другим еще похуже!

Джон.

Опять вы начинаете шуметь?

Гарри.

Тебе по вкусу это всё?

Джон.

Не знаю,

Что и придумать.

Гарри.

Гонят, как собак, нас,

А им тепло и хорошо в тылу,
Под рождество, поди-ка, и танцуют!

Том

(в бреду).

О мать, о мать!

Билль.

Садись к нему на рожу!

Дик.

Христос, когда б нам всем сойти с ума, —
Другого нет пути.

Гарри.

Путь есть, да надо
Мозгами шевельнуть.

Билль.

Мои — размякли,

За эти ночи зимние с дождем.
Брр!

Гарри.

Боже! Будет же конец, ребята!
Ведь больше так нельзя.

Дик.

А что поделать?

Гарри.

Решиться можем мы начать борьбу
С врагами настоящими. Известно,
Что из войны богач монету гонит.
Пройдоха и Пролаза тесто месят,
А мы иди на смерти! Ведь вы слышали,
Как всё пошло от нефтяных концессий?

Джон.

Да ну! Всё это ложь горизонталов.
Они распространяют эти сказки.

Гарри.

Нет, правда! Олухам горизонталам
Лгут так же, как и нам. Я утверждаю,
Нет подлинных причин нам с ними драться,
И надо бы нам это им сказать.
Что до меня, пора б начать... Кто это?
Ах, лейтенант...

Лейтенант

(внезапно вырисовывается над Гарри и подносит карманный фонарь к его лицу).

Эй, руки вверх, собака!

Змея в траве!

(Прокалывает его шашкой).

Гарри.

Мой бог!

(Падает).

Лейтенант.

Пока довольно!

На эту ночь одной измены хватит.

(Молчание).

Том.

О, мама! Помоги мне! Мне так плохо!

Джон.

Сэр, скоро будем есть?

Лейтенант.

Как будет пища.

Огонь врага затих, и подкрепление
Придет к нам скоро. Я пойду вдоль линий.
Коль что-нибудь прибудет, извещу.
Мужайтесь же пока!

Джон.

Стараться будем.

(Лейтенант крадется к следующей воронке, повыше. Слабый отблеск рассвета, достаточный, чтобы видеть позицию)

Джим.

Светает.

Дик.

Слушай, Билль, два слова...

Б и л л ь .

Что?

Д и к .

Хоть он бедняге выпустил кишки,
А все-таки тот говорил ведь правду!

Б и л л ь .

Потише, Дик!

Д и к .

Нет, истинное слово!

(Молчание. Внезапно блестящий белый свет заливает сцену сверху; он озаряет людей, совершенно залепленных грязью, с лицами, серыми от истощения; некоторые с окровавленными повязками).

Д ж и м .

Сигнальный свет!

(Они лежат ничком на земле).

Д ж о н .

Не наши ль? Погляди-ка.

Т о м

(поднимается, простирает руки к свету, кричит).

Христос, спаситель мой!

Д ж о н .

Ну ты, дурак!

(Он бросается на него, толкает лицом вниз, в лужу, и держит так. Свет погасает. Долгое молчание).

Несчастный мальчик! Лучше так его.

Д и к .

Уж хуже быть не может!

Б и л л ь .

Да, признаться!

(Майк и Пит, два неприятельских солдата, ползут к воронке из вражеской позиции. слева. Они окликают тихонько).

М а й к .

Эй!

Д ж о н .

Кто идет?

Б и л л ь .

Оттуда кто-то. Стой!

М а й к .

Эй, не стрелять! Два друга.

Б и л л ь .

Что за чорт?

М а й к .

Вот белый флаг!

Д ж о н .

Вниманье! Это хитрость!

К оружию!

М а й к .

Перемирие! Вот и флаг!

(Оба стоят с поднятыми руками; их можно видеть в брезжущем отблеске рассвета).

Д ж о н.
Вас сколько?

М а й к.

Двое! Оба вам друзья!

Д ж о н.

Приблизьтесь же, — но рук не опускайте!

(Оба, скользя, идут вперед через грязь и лезут через край воронки).

М а й к.

Мы без оружия.

Д ж о н.

Поднимите руки.

М а й к.

Обыскивай!

(Джон и Дик обыскивают их; свет усиливается настолько, что можно различить лица).

П и т.

Друзья.

Д ж о н.

Что ж это значит?

М а й к.

У нас войска восстали.

Д и к.

Что?

Б и л л ь.

Исусе!

М а й к.

Хотим войну покончить!

Д и к.

Дальше Ну!

М а й к.

Мы офицеров нескольких убили!
Установили власть и отступаем.

Д ж о н.

Мой бог!

Д и к.

Как раз, что Гарри говорил!

Д ж о н.

Внимание! Знаю я, что это — хитрость.

М а й к.

Нет, нет, клянемся!

П и т.

Вот, как перед богом!

Д ж о н.

А как докажете?

М а й к.

Пошлите к нашим.

Д ж о н.

Чтоб горло перерезали?

М а й к.

Нет, нет,

Вот наша честь.

Д ж о н.

Да, честь горизонталов?

Нам мало.

М а й к.

Мы, друзья, теряем время.
Мы, бедные солдаты, жизнью мы
Рисуем, к вам придя и сообщая.
Что выгодного вам в войне? Мы тоже
В грязи, как вы, и вошь нам спину ест.
Ужель не можем мы друг другу верить?...
Но к чорту, все равно, хотим на волю.

П и т.

Хотим вернуться мы домой: кричим
О мире, хлебе, о земле и воле.

Д и к.

Вот вам Христос, честна их речь, как будто.

М а й к.

Послушайте. У нас в тылу восстанье;
Враль изгнан, старый дьявол, наш премьер,
Затеявший ненужную войну,
Чтоб нефть добыть Пролоазе, миллионеру.

П и т.

Зарежем их и деньги их возьмем,
Аннексий же затеивать не станем.

Д и к.

Ура! Ура! Вот новость к рождеству

Д ж о н.

Постойте-ка! Так что же делать нам?

М а й к.

Мы отступаем, просим только мира;
Оставьте нас, не двигайтесь, пока
Наш полевой совет не будет созван.

Д ж и м.

Всё это справедливо.

Б и л л ь.

Да, конечно.

М а й к.

Сдержите артиллерию. Мы скоро
Оттянем фронт и этим вам докажем...

Д ж о н.

Того нельзя, коль наши офицеры...

М а й к.

В том всё и дело! Вы должны восстать,
Как мы, и отказаться биться.

Д ж о н.

Ловко!

А вы — на нас!?

М а й к.

Товариш, о сорви
С глаз пелену! Услышьте наш призыв
К свободе всех народов, к окончанию
Мерзейшей распри, нас губящей. Я —
Социалист.

Д и к.

И я, мы заодно.
Свершим мы вместе дело.

Б и л л ь.

Тсс! Кто это?

Лейтенант

(из-за сцены кричит).

Что там такое?

Д ж и м.

Голос лейтенанта!

Д и к.

Устроюсь с ним!

(Кричит лейтенанту).

Сэр, человек рехнулся!

Лейтенант.

Держите, я иду.

Д и к.

Да, сэр.

(Фигура лейтенанта смутно видна в выемке на верхнем
краю воронки. Дик лезет туда и бросается на лейтенанта.
Оба исчезают в грязи).

Лейтенант.

А, боже!

(Молчание. Дик лезет обратно, вытирая штык).

Д и к.

Ну, вот и все. Теперь пора за дело.

Д ж и м.

С чего начать нам?

М а й к.

Надобно по фронту
Распространить, чтоб все солдаты знали,
Что мир и что свобода — в их руках.
Скажите, что у нас случилось: будут
Стараться скрыть все это офицеры;
Пошлите депутатов; мы вас встретим
На том холме, где цвет дивизий наших
Лишился жизни.

Д и к.

Я, ребята, с вами!

Кто с нами вместе?

Д ж и м.

Я, конечно.

Б и л л ь.

Тоже.

Д ж о н.

Постойте, дурачье, — хитрят, быть может!

М а й к.

Пойдем, товарищ, с нами! Убедись;
Пройдешься вдоль по линии, вернешься
И передашь, что видел.

Д ж о н.

Да, но как же
Распространим мы весть? Ведь телеграф
В руках у офицеров.

П и т.

Мы устроим.

М а й к.

Наш мирный флаг на всем уж фронте вьется,
И скоро наши летчики рассыпят
Летучки с требованием перемирия.
Вот рождество! О, быть ему последним,
Когда рабочие льют кровь друг друга.
Огонь, заметьте, — с вашей стороны.
Мы делаем свое, не отставайте.

Д ж о н.

Попробуем, да вряд ли выйдет толк.
Нас расстреляют.

М а й к.

Мы же победили!

Черед за вами.

(Звук отдаленных кликов ликования, за сценой, в центре).

Б и л л ь.

Что такое?

Д и к.

Наши

Кричат. К ним весть дошла!

Д ж и м.

Тсс! Что там? Летчик?

(Они обращают взор к небу; слышно жужжание аэроплана
вдали).

М а й к.

Наш! Должен был он-вылететь с рассветом!

Д и к.

Пора за дело! Господи!

Д ж о н.

Постойте!

Коль пост. покинете...

Д и к.

Ах, брось ты это!

Идем кончать войну!

(Ликование растет, в отдалении возбужденные крики).

Д ж и м.

У нас узнали!

У них уж началось!

(Показывая на небо).

Б и л л ь.

Летит сюда!

(С полдюжины солдат-вертикалов вбегают из-за сцены
справа, во главе их Джо).

Д ж о.

Что слышим мы? Противник отступил?

Д и к.

Вот два врага, с известиями.

Б и л л ь.

У них

Там революция, они нас просят
В бой не идти и помириться с ними.

Д ж о.

Ура! Ура!

(Все радостно кричат).

Д и к.

Мы в них стрелять не будем
Всех извещайте. Мир для рождества

Д ж о.

А наши офицеры согласились?

Б и л л ь.

Да к чорту их! Хотим конца войны!

Д ж и м.

Мы все домой хотим.

В с е.

Хотим! Хотим!

Д ж о.

Нам будет праздник рождество!

В с е.

Да, будет!

Д ж о н.

Аэроплан!

(Шум аэроплана приближается; солдатами овладевает инстинктивный ужас).

Он может сбросить бомбы!

М а й к.

Не бойтесь! С рождеством он поздравляет!
Летучки!

Д ж и м.

Эго, ведь, получше бомб!

П и т.

Товарищи, мир лучше! По домам!

Д ж о.

Домой! Христос! Подумать: вновь домой!

Б и л л ь.

Вот и бумажка! Что-то в ней, посмотрим...
(С полдюжины печатных листов, развеваясь, падают на сцену. Дик поднимает один из них; уже достаточно светло, чтоб можно было прочитать).

Д и к

(читая).

Товарищи, восстали мы. Свобода!
Хотим конца войны и отступаем.
Не троньте нас; пусть прекратится бой.

Для встречи с нами шлите комитеты,
Да будет мир в день рождества Христова!
Солдатский комитет горизонталов.

П и т.

Все правильно.

Б и л л ь.

И дело совершится.

Д ж о.

Послушайте! Кричат!

(Взрывы криков вдоль линии; вбегают еще солдаты).

В с е.

Мир! Мир! Ура!

Д и к

(кричит вновь прибывающим).

Оружье прочь! Миримся к рождеству!

(Внезапно экран начинает действовать, показывая революционные сцены в аду, шествие чертей со знаменами и криками. Солдаты оборачиваются и смотрят в изумлении).

Д ж о н.

Гляди! Гляди! Иисусе! Что ж такое?

Д ж о.

Явление нам!

Б и л л ь.

Виденье в небесах!

М а й к.

Вы видите?

Д ж и м.
Конечно!

П и т.

Боже! Звуки!..

М а й к.

Они поют!

Д ж о.

Тсс!

Б и л л ь.

Ангелы, наверно!

(Поющие голоса могучего сонма из-под сцены).

Что такое? Шум и ропот слышны в бездне
мировой,

Словно ветер в пустых долинах перед тучей
грозовой,

Словно в темный час прилива океана страш-
ный вой.

То народ идет вперед!
Гром грохочет! Волны чуда!
Солнца свет! Из тьмы, оттуда
Встали гнев, надежда, чудо, —
То наш сонм идет вперед!

(Солдаты подхватывают песню, в безумном возбуждении)

Иль война? Иль хочешь погибнуть, как в огне
травы сухая?

Или мир! Одна надежда в нас горит, объ-
единяя.

Жить мы будем! Не иссякнет молодая жизнь
земная!

Рой надежд идет вперед!
Гром грохочет! Волны чуда!
Солнца свет! Из тьмы, оттуда
Встали гнев, надежда, чудо, —
То наш сонм идет вперед!

(Внезапно, сзади, на сцене, справа, земля раскалывается, и выходят три ангела, каждый несет полотняную надпись на высоком шесте: „Любовь“, „Правосудие“, „Юмор“. За ними следует Карл Либкнехт, и группа душ, кроме Хейвуда; также Бич-Злоязыч и толпа чертей с красными знаменами. Солдаты перестают петь; они смотрят, изумленные, и отступают. Вновь прибывшие продолжают пение; экран дает текст, строчка за строчкой, того, что они поют).

Прочь идут они от муки. К свету льется
их поток.
Мир широкий, — их жилище каждый в мире
уголок!
Покупай их! Продавай их! Испытай торговли
прок!

Ибо дни идут вперед!
Ты работал век за веком, без надежды,
слеп и глух,
Никогда благим известьям твой не радо-
вался слух;
Ныне — слышишь, и разносит крики воль-
ный ветра дух.

Ноги всех идут вперед.
Гром грохочет! Волны чуда!
Солнца свет! Из тьмы, оттуда
Встали гнев, надежда, чудо, —
То наш сонм идет вперед!

Либкнехт.

Вы не пугайтесь: мы — друзья народа,
И, как борцов за мир, нас в ад сослали,
Мы — к вашей революции на помощь.

(На экране — возмущившийся ад).

Дик.

И Либкнехт тут. Товарищ Карл из ада.

Солдаты.

Да здравствует товарищ Карл!

Майк.

Вот Джэн!

Ангел Правосудия.

Хорошие известья! Троном ада
Билл Хейвуд завладел, вождь старый уоббли.

(На экране — Билл Хейвуд).

Солдаты.

Ура! Наш Билл!

Ангел Правосудия.

Он миру держит речь.
Прислушайтесь.

Майк

(машет шляпой).

Валяй же, старый уобб!

(Слышен голос Билл Хейвуда, гремящий из отверстия в полу; на экране — Билл, сидящий на троне и произносящий речь. В течение последующей сцены всякий раз, когда он говорит, он появляется на экране, восседая на троне).

Товарищи, запомните три слова:
Мир, хлеб, земля — вот в чем движение наше.
Война прошла. Коль будем убивать,
Так только супротивных нашей власти.
Мир, хлеб, земля! — И всё!

Все

(в общем крике).

Мир, хлеб, земля!

Билл Хейвуд.

Мы создали в аду союз великий,
И на земле пусть он возникнет тотчас.
„Вся власть рабочим!“ наш да будет клич.

Все.

Вся власть рабочим! Верно!

Билл Хейвуд.

Делегатов

Себе вы изберите в предприятиях
И в армии; да будет перемирие;
Совет составим и объявим волю:
Долой всех кровопийц и паразитов!

Все.

Долой всех кровопийц и паразитов!

(Дикие крики ликования; на экране — рабочие, захватывающие фабрики и изгоняющие Пройдоху и Пролазу. Справа входит епископ Спрут, в полном церковном облачении, задыхаясь от бешенства, спотыкаясь в грязи. Он врывается в общее ликование).

Спрут.

Безбожники! Услышьте слово божье!

(Молчание, все пристально смотря).

Дик.

Вот - на! Епископ!

Билль.

Что ему здесь надо?

Дик.

На рождество хотел благословить нас
И кстати в бой послать еще разок.

Спрут.

Пока не поздно, вас предупреждаю!

(Во время следующей сцены на экране — торжественное служение в соборе).

Всё — козни ада, уловление душ!
Они — кошунственники, атеисты,
Христопродавцы, им смешно писанье,
Предатели они, большевики,
Кто им внимает, тот умрет навеки!

Майк

(шутливо).

А докажи!

Спрут.

Солдаты! Присмотритесь!
Всё черти ж адские! Хвосты у них!

(Указывает на Бича).

Вон черный весь с крылами и рогами!

Б и ч

(скачет к нему).

Э, старый друг, товарищ мой по аду!

С пр у т.

Ты лжешь, отродье Сатаны!

Б и ч.

Как так?

А ну-ка, уоббли! Хвост он не припрятал?

У о б б л и.

Сейчас обыщем!

С пр у т.

Прочь, вы, негодяи!

(Два уоббли хватают епископа, перевертывают задом кверху и обнаруживают хвост).

У о б б л и.

Ага! Конечно, есть! Ну, и прохвост же!

(Они ставят епископа на ноги и закручивают ему хвост, солдаты режут от восторга).

С пр у т.

Пощады! Ой!

У о б б л и.

Пляши же, чорт, пляши!

Д и к.

Ура! Ура! Его бы в лужу бросить!

(Два уоббли хватают епископа и бросают в лужу).

Сиди всю зиму там! Что, не по вкусу?

М а й к.

Судьба всех тех, кто будет за войну!

Б и ч.

Коль станет жаловаться, что продрог,
Я знаю, где есть теплый уголок.

Б и л л Хейвуд

(из-под низу).

Так, так, товарищи! Гоните в шею
Всех, кто с хвостом и действует, как он!

Д у ш и.

Ура! Ура! Долой капиталистов!

(На экране — разные дьяволы, изгоняемые народными толпами).

Б и л л Хейвуд.

Пройдоха и Пролаза, миллионеры,
Вьюн, Плут, сановники и дипломаты,
Все генералы, профессионалы
Убийства, судьи, — адские собаки,
Эксплуататорская пресса, злые
Священники, епископы-ханжи,
Всем их скрутить хвосты и в ад отправить,
Мы с ними справимся!

А н г е л Л ю б в и.

Стыдись, Билл Хейвуд,

Б и л л Хейвуд.

Кто говорит там?

Ангел Любви.

Ангел я Любви.

Друг дела вашего!

Билл Хейвуд.

Я занят, друг.

Ангел Любви.

Трудились мы все тягостные годы,
За мир и милость ратуя, а ты
С врагами говоришь такой же речью,
Какой Маммон, я слышал, вас громил!

(На экране — погоня за генерал-прокурором, который лезет на дерево).

Бич.

Э! Прокурор!? Смотрите, как он спрятал
Хвост между ног! Ага! Заквакал квакер!

Ангел Правосудия.

Довольно! Революцию, Билл Хейвуд,
Мы не затем свершили.

Билл Хейвуд.

Слушай, Джэн,
Мы начали едва; на фронте, видишь,
В восставшие войска они стреляют.

(На экране — расстреливаемые солдаты).

Они нам смерть готовят в штабквартирах,
И каплет с неба ядовитый газ.

(На экране — генеральный штаб, что-то обдумывающий).

Либкнехт.

Они готовы землю разорить,
Чтобы схватить рабочих мертвой хваткой!

Майк.

Скажи — к нам руки запустить в карманы!

Билл Хейвуд.

Терять минут не будем драгоценных!
Мы свяжем негодяев, и коль их
Всё ж будете любить, ну вас с любовью!

(Аплодисменты солдат и чертей).

Ангел Юмора.

Над ними мы немножко посмеемся.

Билл Хейвуд.

Ты думаешь, исчезнут все убийцы,
Коль ты над ними посмеешься?

Ангел Юмора.

Должен
Же кто-нибудь испробовать гуманность.

Билл Хейвуд.

Пускай начнет господствующий класс.

Ангел Любви

(в отчаянии).

Века веков всё ужасы одни!
Коль хочешь ты убийств, начни с меня!

Ангел Правосудия.

Постой, Билл! Мы, ответствуя пред миром,
Товарищескую протянем руку!

Билл Хейвуд.

Ну что ж, попробуйте; я не противлюсь!
Пришлю вам гордых ада главарей,
Виновников войны, — в цепях, конечно...
Попробуйте, им руку протяните!

(Из отверстия в земле появляются: Сатана, Вельзевул, Маммон, Молох, Велиал и Астарт, гуськом; длинные стальные цепи сковывают им руки, другие цепи сковывают ноги, на которых громяют при всяком движении тяжелые шары. Тем не менее они горды и ужасны на вид; их ведут черти с вилами. На экране — заключенные в тюрьму, в таком же положении. Все шесть главарей подвигаются к центру сцены; другие дают им дорогу, пораженные ужасом).

Вот кандидаты на любовь.

Ангел Правосудия.

Какие ж
Слова любви, пока они в цепях,
Кричащих про обман!?

Билл Хейвуд.

Ну, что ж, отпустим!

(Черти касаются цепей, цепи спадают. Главари стоят недвижимые. На экране — заключенные, освобожденные от цепей).

Ангел Правосудия.

О Сатана, век ненависти прожит;
Забыв вражду, мир обновить хотим мы
И вот тебе протягиваем руку.

Сатана

(смотрит на него холодно. На экране — Дебс, протягивающий товарищески руку своим тюремщикам).

Я, Люцифер, князь ада, светоносец,
И вы — специалист по паровозам;.. —
Я уклонюсь, простите, от объятий.

Ангел Правосудия.

Но так же в нас, как будто, бьется сердце.

Сатана.

Ошибка в вас понятна, в самоучке.
Архангел я, превыше всех людей,
Я чужд любви и ненависти вашей.

Ангел Правосудия.

Мы, как никак, тут вместе жить должны.

Сатана.

На той основе лишь, что я владею
Всем родом вашим.

Билл Хейвуд

(смеется за сценой).

Первая попытка,
Джэн, аристократических повадок!

Ангел Правосудия.

Уж много проб, и горше, я имел,
Но всё ж восторжествует справедливость.

Либкнехт.

Я предлагаю этих гордецов
Отправить в санаторию, и Джэна

Приставить к ним; пусть делает, что хочет,
И производит опыт пацифизма.

М а й к.

А я бы их отправил на работу;
Пускай попробуют помыть посуду,
Иль сесть за фортепьяно в кабаре.

А н г е л Л ю б в и

(отводит Бича в сторону).

Все с нами борются.

Б и ч.

Как будто.

А н г е л Л ю б в и.

Начал

Ты эту шутку, ты и кончить должен.

Б и ч.

Ты об ключе?

(На экране — ангелы, всё еще запертые на небе).

А н г е л Л ю б в и.

О золотом ключе.

Где он?

Б и ч.

У Сатаны! Следи! Увидишь,
Что может сделать капелька ума!

(Бросается к Сатане).

Великий вождь, тебе лобзаю руку.
Князь гордый, недоступный большевизму
(Обнимает его руками).

С а т а н а.

Спасибо, верный мой слуга, я тронут.

Б и ч

(залезает в его карман, потом отскакивает назад и кричит).

Вот он, вот ключ небесный! За экраном
Спасенье ждет вас, — из машины — бог!

(Он раскрывает крылья и улетает, паря, вверх).

Б и л л Х е й в у д

(за сценой).

Что там?

А н г е л Л ю б в и

(в восторге).

Идет освободить Любовь!

(На экране — Бич, сначала летит, потом взбирается по золотым ступеням и отмыкает врата неба).

У крайних звезд следи его полет!
Вошел по ступеням и ключ вставляет!
Врата открылись, ангелы текут.
Грядут! Грядут!

(На экране — обширная группа ангелов со сложенными крыльями стремительно несется вниз по направлению к земле).

Д и к.

Гляди! Они на небе!

(Все пристально смотрят вверх).

Поют!

Солдаты.

О, диво!

Души.

Торжество любви!

(Все небо сверху наполняется музыкой).

Внёмли ангельскую весть!
Новый царь на свете есть;
Мир и милость на земли,
Бога грешники нашли!
Чудно каждая страна
К торжеству приобщена.
Вторит ангельский канон:
В Вифлееме бог рожден.
Славься, мирный властелин,
Славься, вечный правды сын!
Жизнь и свет несешь для всех
На целительных крилах!

Билл Хейвуд

(за сценой).

Прелестно! Подлинный эффект церковный!
И в самый раз к рождественскому утру.

(На экране — рождественские сцены в богатых церквях).

Но, мнится вам, — рождественское пенье
Изменит сразу дьяволов сердца
И ход контр-революции задержит?

Ангел Любви.

У нас, мой Хейвуд, есть сильней опора:
Сам бог любви воссел на трон небесный.

(На экране — отец небесный).

Билл Хейвуд.

Во-первых, знаю я, что нет его,
А если бы и был, что было б толку?

Майк

(злобно).

Он допустил войну! Все эти годы!
Он — классовый, завистный, жадный бог!

Ангел Любви.

Ты говоришь о Иегове, товарищ.

(На экране — гневающийся Иегова).

Майк.

О том, чьих проповедников я слышал.
Что нам, рабочим, спрашивать с их бога!

Солдаты.

Да! Да!

Души.

Про бога лучше речь оставим!

(На экране — Иисус распятый).

Дик

(указывая влево).

Кто там карабкается по холму?
Он на Христа похож.

Билл Хейвуд.

И то!

Джон.

Вот вздор-то!

Хорош Христос — в грязи!

(Все всматриваются с изумлением).

Ангел Правосудия.

Хвала, с креста

Сошедшему товарищу Иисусу!

Товарищ Иисус

(входит слева с блуждающими глазами, грязный и окровавленный; он подвигается медленно и страдальчески, среди молчания. На экране — Христос, несущий крест на земле).

О, распятые братья, я пришел

На помощь вам в исканьи искупленья.

Нам предстоит еще тяжелый путь.

Еще не всех мы дьяволов узнали,

Но, что до них, архангелов упавших,

Проблема эта ранее возникла

Рожденья вашего. Позволь, я, Хейвуд,

Расправлюсь с ними, — плотник непокорный.

Билл Хейвуд

(за сценой).

Товарищ наш, Иисус, тебя мы знаем

И выпить тост с тобой готовы уоббли.

Но Сатана тебя осилил здесь,

Мы, лучше, с ним по-своему поступим.

Товарищ Иисус

(обращается к Сатане).

Наш древний спор домашний зачерствел,

Мир движется; добро и зло, как будто, —
Обличья одного; отцу с тобою
Нет надобности боле враждовать.

Сатана.

Позвольте мне узнать роль вашу в фирме?
Действительный иль только младший член?

Товарищ Иисус.

Века сменились, я владею фирмой.

(Ужасающий раскат грома; на экране — Иегова на троне, сдвигающий брови в ярости и кидающий молнии).

Сатана.

Трам-тра-ра-рам! Ворчун беловолосый!
Не очень-то любви он нашей жаждет!

Товарищ Иисус.

Никак-то он сообразить не может,

Что созданное им переросло

Создателя. Но такова уж жизнь.

Мир возмужал, себя он исторгает

Из рук его; он ищет новой цели.

(Новый раскат грома; Сатана показывает кулак Иегове на экране).

Сатана.

Ты новой битвы хочешь? Превосходно!
Увидишь: есть готовность и в аду!

Товарищ Иисус.

О, как все эти жесты устарели!

Сидит он там и думает, что вы

Его когда-то оскорбили волю,
А ты в аду питаешь злобой душу.
А между тем готовится наука
Поставить вас в музейную витрину.

Майк.

Ура! Ура! Мне это по душе!

Либкнехт.

Действительно, как это современно!

(Ярость Иговы увеличивается).

Товарищ Иисус

(к Сатане).

Родилась демократия на свет,
И братство появилось; вам и мне
Часть уготована в событиях новых.
Ваш непреклонный, смелый дух исканья
Не сломится слепым авторитетом.
О, светоносец, вот рука моя!

(Он протягивает руку Сатане. Новый раскат грома. Но прежде чем обозначится ответ Сатаны, Билл Хейвуд высказывает из отверстия в полу).

Билл Хейвуд.

Вот вам бог, я не потерплю этого кощунства
больше ни одной минуты. Если полиция не хочет
прекращать пьесу, так я прекращу!

(Кричит за сцену).

Эй, вы! Кто автор этой чортовой пьесы?

Автор

(вбегает).

Что с вами делается, сударь?

Билл Хейвуд.

Вы так по-телячьи радуетесь революции; вот
я дам вам ее самому отведать. Я восстал против
этого зрелища! Я не хочу принимать в нем
участия.

(На экране — русские революционные толпы. Билл Хейвуд подбегает к рампе и кричит в публику).

Я хочу, чтобы вы все поняли, что актеры ничего
общего не имеют с этой большевистской
дрянью! А вы, господа, имеете?

(Поворачивается к актерам).

Ангел Правосудия.

Нет, нет!

Сатана.

Конечно, нет!

Автор.

Да кто ж и предполагает иное? Ведь не актеры
пишут пьесу!

Билл Хейвуд.

Ну, во всяком случае, эту они напишут. По
крайней мере один-то актер свою роль сам де-
лает. Вы не заставите меня сказать больше ни
одного богохульства. Нет, дудки!

Автор.

Да это же неслыханное бесстыдство!

Билл Хейвуд.

Бесстыдство? Что за чорт? Я думал, вы верите в рабочих! Я сам рабочий, и я встаю! Вся власть актерам! Кто за мной?

Ангел Правосудия.

Я.

Сатана.

И я!

Велиал.

И я! Ура актерскому Совету!

Механик

(вбегает).

Я тоже с вами, чорт возьми! Коль вы хотите ставить эту большевистскую чепуху, так наберите для этого русских!

(Указывает на экран).

Билл Хейвуд.

Или немцев! Вы не найдете для этого ни одного приличного американца!

Либкнехт.

Стыдитесь! Стыдитесь!

Билл Хейвуд.

Так что же, вы с ним согласны, да?

Уоббли.

Конечно, и я тоже!

Товарищ Иисус.

И я! Вы позорите сцену!

Автор.

Вы — щенок и негодяй!

Билл Хейвуд.

Что такое? Вот я вам по морде съезжу!

(Он бросается на автора, который оборачивается и убегает; он увертывается туда и сюда, потом бросается на разбитую пушку и начинает карабкаться по дулу. Билл Хейвуд хватается за ногу).

Слезай и дерись, собака, свинья немецкая!

Либкнехт.

Что это такое? Остановите это!

(Он бросается на Билл Хейвуда, который оборачивается и дерется с ним боксом; на экране — батальные сцены на земле).

Механик

(носясь вокруг).

Здесь есть и другие большевики и предатели. Где эти молодцы, которые кричали, что пьеса хороша! Где этот товарищ Уоббли!

Уоббли

(выбегает вперед).

Вам тоже хочется?

(Дерутся).

Велиал

(к товарищу Иисусу).

Вы говорите, что вам нравится эта пьеса? А ну, подите - ка сюда!

(Дерутся).

Сатана.

Так, так его! Лупи его еще!

(Присоединяется к драке).

Ангел Любви

(дико).

О! О! Они убьют его!

Астарта.

Спасите! Полицию! Убийство!

(Другие кидаются, чтобы вступить за тех или других, и в мгновение ока вся сцена превращается в сплошную грудку фигур, катающихся по полу: тузят друг друга, изрыгают проклятия, рвут друг другу волосы и платье, парики, хвосты и другие принадлежности грима. Знаменами „Любви“, „Правосудия“ и „Юмора“ бьют по головам; хватают ружья и штыки; шум делается оглушительным).

Настоящий Дьявол

(огромный, жирный, смехотворный капиталист, во фраке и цилиндре, с громадными черными крыльями, спускается сверху, комически подражая полету ангелов. Он останавливается на опрокинутом зарядном ящике. Дерущиеся останавливаются и смотрят на него в ужасе; сразу наступает тишина).

Вы видите, лэди и джентльмэны, как всё происходит; вы не в силах изменить человеческой

природы. Люди любят драться, и всегда будут. Нет никаких путей достигнуть утопии. Если бы даже вы всё разделили, богатые, так ли, эдак ли, живо вернули бы себе все снова. Кому ж хочется грязной работы?

Автор

(в беспомощном бешенстве, сидя на пушечном дуле).

Лэди и джентльмэны, лэди и джентльмэны! Этот субъект совсем не участвует в моей пьесе! Я не писал этих строк. Не верьте его словам! Это настоящий дьявол! Это — глупость!

Занавес.

(Перевел с английского).

С. Ш.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Г. Д'Аннунцио — „Ноктюрн“, ц. 1 р.
П. Бенуа — „Атлантида“, роман, ц. 40 к.
„ — „Дорога гигантов“, ц. 75 к.
А. Беро — „Страдания толстяка“.
С. Бржозовский — „Зарево“, роман из эпохи наро-
вольцев, ц. 1 р. 25 к.
Г. Верфель — „Человек из зеркала“, пьеса, ц. 60 к.
К. Гамсун — „Соки земли“, роман, ц. 65 к.
Г. Гауптман — „Зимняя баллада“, пьеса, ц. 33 к.
П. Гзелль — „Беседы А. Франса“, ц. 70 к.
О. Генри — Рассказы, ц. 1 р.
„ — „Короли и капуста“, роман, ц. 90 к.
Г. Гольст — Лирические драмы, ц. 45 к.
С. Лагерлев — „Гномы и люди“, рассказы, ц. 35 к.
Р. Миран — „Батуала“, африканский роман.
Мэйзфилд — „Пьеса“.
К. Мейринк — „Голем“, роман, ц. 70 к.
М. Маркс — „Женщина“, роман, ц. 50 к.
М. Матерлинк — „Белая невеста“, пьеса.
Папалаги —
Ж. Ромэн — „Доногоо-Тонка“.
Р. Роллан — „Кола Бреньон“, роман, ц. 70 к.
„ — „Пьер и Люс“, роман, ц. 35 к.
„ — „Клерамбо“, роман, ц. 1 р.
„ — „Аннет и Сильвия“, роман.
Дж. Синг — „Герой“, пьеса, ц. 55 к.
Э. Синклер — „Сто процентов“, роман, ц. 75 к.